

Над синим небом

Анастасия Аверина

18+

Эндо

Анастасия Аверина

Над синим небом

«Автор»

2023

Аверина А.

Над синим небом / А. Аверина — «Автор», 2023 — (Эндо)

КНИГА ВТОРАЯ после книги "Пустая Земля". Я попала на пустынную планету, на которой царствует странное явление Эхолор - дождь из камней. Кажется, что из этого дальнего уголка Галактики вовсе невозможно выбраться. Что стало с Зэлдаром и кто такие Пустышки - люди "без души", породившие конфликт цивилизаций. Какие загадки хранит маленький робот Эндо и кто является его создателем на самом деле, - все это мне предстоит узнать...

© Аверина А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анастасия Аверина

Над синим небом

Глава 1

Я схватила жесткие, почти одревеневшие листья лацерса, испещренные многочисленными ударами, и с усилием потянула на себя. Цветок слегка сдвинулся с места, но потом застрял, несмотря на то, что вокруг него была выкопана приличных размеров ямка.

– Вредное растение! – возмутилась я. – Ну ничего, я до тебя доберусь!

– Альтарея! Поторопись! – позвал меня мой серебристый шарообразный робот. – Скоро эхолор!

– Знаю! – раздраженно отмахнулась я. – Я не уйду без клубня. Нам нужен корень, как никогда раньше. И потом, меня ужасно злит, что я не могу справиться с этим маленьким растением.

– Альтарея!!! – робот, которого я звала Эндо, предупреждающе надвинулся на меня. Я знала, что если мой помощник, дающий точные вероятностные прогнозы, начал переживать, то мне трястись от паники нужно было как минимум пять минут назад. А то и все десять. – Давай помогу!..

Я мотнула головой и потратила секунду на то, чтобы отодвинуть рукой вытянувшиеся из тела Эндо серебристые щупальца – подвижную наноматерию, покрытую мельчайшими чешуйками-рассеивателями.

– Не надо, – буркнула я, с усердием расшатывая лацерс из стороны в сторону. – Прошлая твоя помощь закончилась тем, что у меня в руках остались одни вершки и полная невозможность достать застрявший корень из земли. Это должен делать человек. Я все же чувствую лучше тебя.

Эндо обиженно засопел и тряхнул чешуйками, а я прислушалась к себе, стараясь почувствовать, как эффективнее тянуть растение. Наверняка есть такое направление, в котором лацерс вынырнет из земли, как из масла, сохранив целыми и листья, и корень. Я старалась не обращать внимания на легкий гул сзади. В крайнем случае, Эндо не даст мне пропасть, в этом я была уверена. И все же... даже с помощью Эндо, эхолор может оказаться слишком травматичным.

– Аля!!! – рывкнул робот, не сдерживая себя. Я мысленно улыбнулась. Мой маленький помощник научился показывать эмоции не хуже человека. Можно считать меня сумасшедшей, но я стала искренне верить, что он и вправду их испытывает. Уж слишком эмоционально робот реагировал для простой машины. – Бежим!!!

Длинный отросток Эндо на сей раз бесцеремонно схватил меня за руку, с усилием подтягивая вверх. Такому явному проявлению заботы я не стала противиться, с сожалением бросив взгляд на непослушный цветок и последний раз дернув его свободной рукой. На удивление, лацерс стал вытягиваться за нами и легко выскочил из пересохшей почвы, явив на свет темноватый корень с человеческую голову, напоминающий по форме сердце. Жемчужина Апхокетоя – так прозвали лацерс местные жители. Абсолютно невзрачный и деревянный на вид цветок, корень которого будто бы решил заменить все растения разом на пустынных землях затерянной планеты. Настолько питательными и целебными свойствами он обладал, что использовался людьми буквально для всего, начиная с сытного обеда и заканчивая изготовлением мудреных лекарств.

– Эге-гей!!! – я не смогла скрыть восторга и, уже не сдерживаясь, рванула в сторону поселения, подпрыгивая на каменистой бугристой поверхности.

Земля под ногами была жесткая и потрескавшаяся от сухости, усеянная мелкими острыми камнями с последнего эхолора. Я знала, сухость земли в этих краях обманчива. Здешные почвы обладают удивительным свойством – с течением времени начиная походить на пластичную массу, готовую обтекать и поглощать мелкие предметы. Не сразу, незаметно, в течение недель. Но это свойство позволяло камням не задерживаться, со временем уходя в толщу поверхности, твердой на ощупь. Своеобразная ньютоновская жидкость в масштабах планеты. У местных жителей даже выражение имеется – "земля кормится камнями", что означает – всему свое место, или мировой порядок неискореним. До техногенной эпохи аборигены в местных краях искренне верили, что эхолор – это кормление матушки-земли, священное время, годное лишь для молитв.

Крупными шагами, перепрыгивая через ямки и кочки, я приближалась к долинному городу, слабо выделяющемуся на фоне бедного оранжевого пейзажа небольшими полукруглыми крышами, врастающими в саму землю. Некоторые крыши блестели прочными металлическими пластинами, другие, победнее, по цвету ничем не отличались от окружавшей их коричневой почвы. Ни единого окна. В первые дни моего пребывания здесь такое положение вещей меня сильно удивляло. Теперь же я осознала, что в этом был большой практический смысл, а местное население для освещения своих подземных жилищ использовало хитрую систему отражений и зеркал в специальных почвенных полостях, позволяющую интенсивным лучам пробираться вниз, в помещения. Пойманный таким образом свет, которым изобиловала пустынная местность, создавал практически дневное освещение, растеряв при этом жар.

Буквально через пару минут я вбежала на территорию города, пронеслась почти до его середины и резко нырнула в боковой проход. Несколько шагов, и я дома. Я несколько раз ударила костяшками в неприметную, измазанную все той же субстанцией, напоминающей глину, стену.

– Терезия! – громко позвала я. – Мы здесь!

Полукруглая дверь, выполненная старинным наносным способом строительства, распахнулась моментально, словно старуха специально стояла за ней. Похоже, так оно и было.

– Алия!!! – пожилая женщина негодующей цокнула языком, словно призывая меня к ответу, и посторонилась, пропуская нас внутрь. – Нельзя так! Ты о себе подумала?! Принес же ашер тебя на нашу голову, у меня чуть сердце не остановилось!..

Я быстро спустилась по лестнице в обширное нижнее пространство, хитро освещенное отраженными лучами, вырывающимися из отверстий в землянистой стене. Жилища жителей Апхокетоя напоминали гигантские норы, выкопанные прямо в глинистом грунте, укрепленные, как я слышала, прочными металлическими жгутами. Посередине комнаты стояла широкая сортировочная линия с горстками камней, а поодаль в глубине – небольшая кухня с двумя большими конфорками, работающими от обычного электричества, и гигантским чаном посередине. Стараясь не слушать ворчания Терезии, я скользнула к разделочному столу и водрузила на него добычу – корень лацерса. Только после этого обернулась.

– Терезия, не беспокойся за меня, – повторила я в очередной раз. Пожилая женщина с длинными седыми волосами и морщинистым лицом за короткое время, проведенное на Апхокетоле, стала для меня близка. Поэтому я не уставала раз за разом успокаивать ее. – Со мной ничего дурного не случится. Даже если эхолор догонит меня, со мной всегда Эндо. Он выручит из любой передрыги, в этом я уверена, – я доброжелательно улыбнулась.

– Тьфу ты, сегодня робот работает, завтра замкнет! Как можно надеяться на бездушную машину! – воскликнула с негодованием Терезия. – Сколько я уж видала случаев на своем веку, когда роботы подводили людей. И кто ж знал-то! Нет правды в них, Алия. Сегодня они летают, а завтра механизм подвел. Да и программа сломаться может. С чего ему тебя спасать?!

– Эндо не такой, – покачала головой я. – Он – не обычный робот. Он особенный.

– Э-эх!.. – старая женщина раздраженно махнула рукой. – Ума недостает в тебе, Алия. Доверчива уж больно. Ты бы не только о себе думала. Раз пузо не выросло, так и скакать под эхолором можно?!

Последние слова неприятно резанули слух и настроение тут же испортилось. Тема, вокруг которой крутилось слишком серьезное потрясение моей жизни, не стала секретом ни для кого. Почти сразу прозорливая и опытная Терезия догадалась, что в скором времени я стану матерью. И хотя я была рада своему положению, лишнее упоминание о нем вызывало приступ назойливой тревоги и какой-то совершенно особой протяжной тоски, над объяснением которой мне думать совершенно не хотелось. Поэтому я тряхнула головой, прогоняя нежеланные мысли, и заметила:

– Нам был необходим корень лацерса. Фил стал совсем худой.

– Фил!.. Фил здесь родился и не такое успел пережить... – по голосу Терезии я поняла, что она успокаивается, несмотря на ворчания. Пожилая женщина ловко подхватила лацерс, и, сполоснув водой, принялась быстро его разделять. – Фил – это не ты. Фил осторожный... Совсем ты не пуганная. Откуда ты вообще взялась такая?..

Я закусила губу, уходя от ответа на, в общем-то, риторический вопрос. Мне бы хотелось рассказать Терезии правду, облегчив тем самым душу, но делать это было нельзя. Для всех я была невестой погибшего в последнем бою с норканнами солдата. Я легко вжилась в легенду, быть может, не так далеко ушедшую от истины, и теперь желала лишь одного – не возвращаться мыслями в противоречивое, отдающее болью прошлое.

– Ты знаешь, Терезия, – снова улыбнулась я, окончательно взяв себя в руки. – Я не стану рисковать без серьезной на то причины. Ты права, я должна позаботиться о своем ребенке и освоиться, пока мое тело не превратилось в неповоротливого дрода. Я лишь стараюсь стать ловкой и научиться добывать еду и карцезиты. Проверю Фила.

Поняв, что разговор окончен, старуха последний раз неодобрительно цокнула языком, а я прошествовала в соседнее, отделенное перегородкой помещение. Снаружи раздался громкий гул, переходящий в россыпь небольших резких ударов, но ни я, ни подросток сидящий посередине комнаты за огромным столом, не вздрогнули.

– Все перебираешь? – я подошла к мальчишке лет тринадцати, сосредоточенно копающемуся в горстке каменных обломков, и потрепала его по голове. – Давай я. Тебе позаниматься полезнее будет. Совсем забросил чтение.

– Ты долго. – Только и вымолвил подросток, не глядя на меня. Я присела за стол напротив, беря в руки с виду непримечательные серые камни.

– Все в порядке, Фил, – я попыталась заглянуть в глаза ребенка, но тот упорно их не поднимал. – Я вернулась и даже раздобыла жабью голову, – второе, менее романтичное название сердца Апхокетоя, или лацерса. Корень действительно чем-то по форме напоминал треугольную голову земноводных.

– Не надо! – импульсивный подросток подскочил и сильно ударил ладонями по столу, отчего мелкие камни подпрыгнули. – Ты можешь попасть... Ты тоже уйдешь...

– Нет, Фил! – я прервала сбивчивую речь и, наконец, смогла увидеть пылающее негодование в болотных глазах мальчишки. Его плотно сжатые губы выдавали бурю эмоций, поднявшуюся в душе не слабее эхолота. – Я не уйду. И вообще, скоро я стану очень большой и засяду вместе с тобой в поиске карцезитов. Вот тогда меня даже ты с места не сдвинешь, учти!

Я шутливо развела ладони и легонько показала язык.

– Думаю, это продлится недолго, – Фил не выдержал и улыбнулся, – потому что твой ребенок не даст тебе хорошо работать.

– Ну... – я наигранно закатила глаза, – тогда я попрошу помощи у тебя. И поэтому позволь мне сейчас тоже помочь тебе.

– Договорились, – хмыкнул мальчишка и пошел на свою кровать, где неаккуратной горкой завалились книги и старый, выдавший виды, планшет поколения наших бабушек. Если не раньше, говоря честно.

Укол совести моментально пронзил грудь, но я все так же улыбалась, ничем не выдав свое состояние. Действительно, не стоит провоцировать у мальчика лишний приступ тревоги. Я уже знала, что мать Фила не вернулась после очередного эхолора, отправившись вместе с другими жителями на сбор лацерсов в период плодородных дождей. Ребенок так и не смог смириться с потерей и пугать его своим отсутствием явно не следовало.

Я взглянула на непримечательные серые и бурые минеральные осколки посреди стола. Поиск карцезитов наравне с добычей лацерсов – единственные виды работы на Апхокетоле. Наверное, на пустынной обитаемой планете стоило бы открыть шумное производство, но особенности местного грунта не позволяли строить высотные строения, а эхолор окончательно убирал надежду на плодотворное развитие региона. Поэтому с давних времен местные жители были вынуждены заниматься совершенно простой и незамысловатой работой – поиском прожилок ценного минерала, да выкорчевыванием единственного дикого растения. Конечно, подобные виды работ оплачивались совсем недорого, но были доступны всем и позволяли выжить. Я вздохнула, вспомнив университетскую учебу. Кто бы мог предположить, что после такого обилия интеллектуальной информации мне придется вернуться к простому ручному труду, не позволяющему создать даже самые незначительные накопления.

– Ну что, Эндо, поможешь?.. – задала я риторический вопрос скорее, чтобы заполнить молчаливую паузу. Я знала, с роботом мы сделаем работу куда быстрее и это будет моим преимуществом после рождения ребенка. – Скоро мы поднатоем так, что перевыполним план вдвое, а то и втрое! – оптимистично заявила я. На самом деле это была моя единственная надежда когда-либо выбраться с Апхокетоя. Хотя... Через несколько недель спокойной жизни здесь я поняла, что по-настоящему привязалась к людям, встретившимся на моем пути.

В ярком свете настольной лампы я рассмотрела несколько камней в поисках золотистых прожилок. Тонкая, выходящая в виде ветки, жилка блеснула желтым отблеском лишь в одном из них. Я отложила камень в лоток для карцезитов и, не удержавшись, посмотрела в сторону Фила. Глаза мальчика сосредоточенно бегали по строчкам книги, напечатанной простым чернильным способом на невесомой деревянной бумаге. Образ жизни местных жителей запаздывал от Третьеосоюзного не на десять, не на сотню лет, а, пожалуй, на несколько тысяч.

На ум немедленно пришли воспоминания о том, как я познакомилась с Филом, очутившись в крае забытых сердец – Апхокетоле. После посадки маленького судна, на котором я бежала с пламенеющего аюстера дальтерийца, старик-проводник отвел меня на небольшой наземный рынок в несколько рядов, торговцы которого обменивались таким барахлом, которое у нас давно сочли бы ветхим раритетом. Светило яркое жарящее солнце, раскалившее сухую коричневую землю, но местным жителям, казалось, все было нипочем. С большим энтузиазмом люди, завернутые в пыльные тряпки, вертели в руках замысловатые предметы, приценивались и горячо спорили. Чуть позже я узнала, что на Апхокетолу до сих пор используется электричество, поэтому среди местного населения востребованы все эти странные приспособления, начиная с электрического чайника и заканчивая устройствами воспроизведения музыки на переносных носителях.

Носителях... Разве такое можно себе представить на обитаемой земле за пределами историкографического музея?.. Тут-то и выяснилась вторая, удручающая проблема Апхокетоя.

– Эндо, ну-ка разузнай-ка, где мы оказались? Какие жилые зоны у планеты и чем занято местное население? – позвала я робота, присев на горячий полукруглый камень недалеко от ярмарки. Признаться, я до сих пор не пришла в себя после полета, или, скорее, переживаний, побудивших меня сбежать сюда. Я слабо представляла, куда мне двигаться дальше, но разумная необходимость действовать, вынуждала искать информацию.

– Доступ закрыт, – огорошил меня Эндо через несколько секунд и виновато качнулся вниз.

– То есть как это закрыт? – сразу же встрепелась я. – Куда же мы попали?

– Вход в единое информационное поле заблокирован. По сведениям, содержащимся в моем реестре, подобные меры принимаются по отношению к наказанным планетам, – Эндо затрясся, словно выискивая внутри себя нужные данные. Однако, ничего подробнее сказанного не нашел и затих.

– Замечательно!.. – горько усмехнулась я. – Теперь мы даже ничего не сможем узнать про то, за что эту несчастную планету наказали. – Несколько минут мы провели в угнетающей тишине. Потом я решилась озвучить главное: – А также про то, как здесь жить, чем питаться, куда идти, как, в конце концов, отсюда выбраться! И... и чем все-таки закончился бой с норканнами.

Я обманула. Главный вопрос, который меня волновал больше всего, я так и не решилась задать. Вопрос, который меня мучал сутки пути и до сих пор назойливым писком стоял в голове. Жив? Жив ли тот, от кого я так вероломно бежала? Продолжает ли раздаваться дальше тяжелое дыхание, а желтые глаза все так же фиксируют малейшие изменения окружающей среды?

В последнем нашем разговоре человек, бывший мне не врагом и не другом, а... назвать его мне не хватало смелости, пришел к выводу, что мое сознание пропадает, когда я пытаюсь вжиться в других людей. У меня было время подумать над его словами. Мысли напрашивались печальные – сейчас я была исключительно на своем месте, жила своей жизнью, но никакого удовлетворения от этого не испытывала. Пустота – вот что заполняло меня изнутри. В чем-то дальтериец был прав. Обидно, вероломно, чертовски прав.

– Могу совершить исследовательский облет местности, – вновь привлек к себе внимание Эндо, отрывая меня от навязчивых размышлений. Я кивнула – надо было с чего-то начинать, учитывая, что за последнее время, проведенное в молчании рядом с неразговорчивым дальтерийцем, я, похоже, совсем одичала и теперь совершенно не представляла, как правильно общаться с местным населением и не попасть впросак.

Два часа Эндо регулярно подлетал ко мне, сообщая о размерах и качествах местных построек, которые, к слову, были совершенно примитивными и едва выглядели из земли. Я перегрелась на солнце и накинула на голову раздобытую Эндо тряпку, о происхождении которой мне думать не хотелось. Картина, которую я наблюдала и без докладов робота, не сильно обнадеживала – пустынная, выродившаяся местность с отсутствием растительности и примитивный быт, далекий от достижений прогресса.

Внезапно торговцы начали упаковывать свой товар и ускоренным шагом расходиться. Солнце клонилось к горизонту, поэтому я сделала вывод:

– Наконец-то вечер скоро. Пусть уж жара скорей пройдет, – мне срочно надо было принять решение, куда идти, но моя горячая голова совершенно не собиралась продуцировать хоть сколь логичные мысли.

Я с любопытством наблюдала за яркими спорами потенциальных продавцов и покупателей, почему-то ставшими особо напряженными, словно бы все торопились куда-то успеть. Многие жители, махнув рукой, уступали своим соперникам в прениях и, быстро собрав вещи, уходили в сторону виднеющегося поодаль городка, выделяющегося на фоне окружающей среды лишь невысокими буграми крыш.

– Вон как жара на них действует, – непонятно кому сказала я, потому что Эндо отлетел в сторону, исследуя дороги, – из-за старья все в безумцев превратились.

Вскоре торговля окончательно стихла и люди, оставив каменные прилавки, поспешно удалялись. Последние несколько человек, окинув взглядом полное мусорных деталей место ярмарки (почему-то здесь совершенно не наблюдалось сервисных роботов), торопливо пошли

в сторону поселения. Я проводила их усталым взглядом, понимая необходимость пойти следом и поискать ночлег.

– Ты что здесь расселась? – неожиданно над ухом раздался молодой удивленный голос. Я вздрогнула и резко обернулась. Мальчик-подросток с чумазым лицом, выющимися волосами и глазами цвета болотной тины недоверчиво разглядывал меня. Я пожала плечами и раскрыла рот, чтобы задать с десяток вопросов первому человеку, который заговорил со мной, но мальчик меня опередил. – Эхолор же скоро!..

– Эхолор? – недоуменно переспросила я. – Что это?

Подросток нахмурился, буравя меня взглядом и, видимо, прикидывая, стоит ли мне доверять.

– Ты не знаешь, что такое эхолор? – неподдельно удивился он и его лицо неожиданно расслабилось. – Я тебя раньше здесь не видел.

– Конечно! – радостно закивала я, понимая, что разговор налаживается. – Я сюда случайно попала. Мне пришлось бежать от боя с норканнами. Кстати, не подскажешь, где можно заночевать и где здесь у вас пересадочный порт для кораблей?

– Попала, так попала... – криво усмехнулся подросток. – Нету у нас тут порта. Дорога на Апхокетоль – дорога в одном направлении.

– То есть как это нет?.. – всполошилась я. – Должен же быть какой-то путь...

– А вот так. Нет и все. – Он покачал головой, отчего темные кудряшки разметались, а мое сердце упало, казалось, под раскаленную землю. – Плохая это планета, наказанная.

– Тут живут преступники? – испугалась, наконец, своему незавидному положению я.

– Не преступники... – мальчик отвернулся, глядя куда-то в даль, где виднелись скалистые образования. – Говорю же, планета наказанная. Пути с нее нет.

– Вот как... – растерялась я. – А за что ее наказали?

– Долгая история, – отмахнулся подросток и снова с интересом посмотрел на меня. – Волосы сойдут, – он бесцеремонно схватил мои белые пряди, достающие в сидячем положении почти до земли. – Хватит на первое время.

– А?.. – непонимающе вымолвила я.

Но мальчишка проворно отскочил в сторону и быстро принялся перебирать металлические детали, разбросанные вокруг бывших прилавков. Подобрал блестящую загогулину, он бегло обернулся на меня и, подобно резвым торговцем быстро зашагал в направлении невзрачных крыш. Однако проделав несколько шагов, остановился.

– Ну что сидишь? – недовольно пробормотал он в мою сторону. – Идем!

Я проворно подскочила, второго повторения мне не требовалось.

Пожилая женщина, представившаяся Терезией, с нерешительностью приподняла сухими руками мои волосы, словно взвешивая.

– Жалко ж красоту такую! – покачала она головой, машинально скручивая белые пряди в тугую жгут. У самой Терезии волосы тоже были длинные, но седые и подкрашенные в слабый фиолетовый оттенок.

– Не беда! – махнул рукой мальчишка, примостившийся сбоку. – Новые отрастут. На Апхокетоле все равно делать нечего, кроме как волосы растить. А вот продать мы их легко сможем. Таких тут ни у кого нет.

– Режьте! – решительно кивнула. Я так давно не стригла волосы, что, казалось, они скопили в себе мои эмоции за десяток лет. На удивление, расстаться с ними было совершенно не жалко. Как будто я сама желала обнулить историю своей жизни. Длинные белые волосы, всегда служившие моим украшением, так и не принесли мне счастья.

– Короче не буду, – руки старухи скользнули с моей головы ниже, к плечам. – Ни к чему это.

Ловкими движениями с помощью замысловатого режущего старинного инструмента с двумя скрещивающимися лезвиями старуха принялась отрезать волосы. Белые пряди нещадно летели вниз, унося с собой частицы моего прошлого, скрепляющие камни в стене моей судьбы. Перед глазами замелькали картинки смеющегося отца, обладателя таких же волос, белые пряди на подушке в родительской постели. И светлые нити, разметающиеся паутиной в воде. В детстве и тогда... я подавила рвущиеся наружу переживания. Когда я плавала в аквариуме-ванной там... рядом с ним, мои волосы струились такими же волнами, заполняя собой содержимое прозрачного шара.

– Готово! – радостно сообщила Терезия, а подросток, его звали Фил, соскочил со стула и резво принялся собирать пряди с пола. Я взглянула в неровное зеркало, кое-как державшееся на стене напротив. Длина волос чуть выше плеч мне определенно шла, чего не скажешь о грусти, казалось, впечатавшейся в мои синие глаза. В очередной раз я напомнила себе об ответственности, которую теперь несла перед маленьким человеком. Раскисать было непозволительно. Я повернулась к Филу.

– И что ты намерен сделать с этим "богатством"? – иронично спросила я.

– Да как что? – он недоуменно вскинул брови. – Местные модницы с руками их оторвут! Ах, да... Ты ж не знаешь...

Я тогда действительно не знала, что из-за особенностей соединений в местной воде мои волосы вскоре приобретут характерный розовый оттенок. В этих краях действительно не было ни одного чистого блондина. Земля Апхокетоя, словно насмехаясь, метила каждого из них.

– Куплю, наконец, историю видов... – пробормотал мальчишка, сияя от радости.

Глава 2

Апхокетоль – планета, затерянная в середине третьего полилунного скопления на границе Империи. Жаркое царство, заселенное бежавшими от войн переселенцами, нашедшими на необычной земле мир, но утратившими основные технические достижения. Новые жители планеты быстро перешли к общинному строю, физическому труду и незамысловатому ведению хозяйства. О том, что когда-то Апхокетоль навещали настоящие громадные звездолеты, свидетельствовали лишь наскальные рисунки, выполненные первыми поколениями рожденных на планете людей. Удивительно, что растеряв технический прогресс, разумный человек вскоре вновь начал одухотворять природу и проповедовать языческую веру. На Апхокетоле среди неграмотного населения до сих пор бытовало представление, эхолор – это наказание богов за предательство родных когда-то планет переселенцами. Впрочем, многие воспринимали необычное явление как прямой призыв к жертвоприношению, оставляя неугодных членов сообщества без укрытия. Поговаривают, что изредка это случается и до сих пор.

Отголоски цивилизации все-таки добрались до пустынной планеты через столетия и Апхокетоль приобрел электричество и библиотеки старинных книг, выполненных наносным печатным способом. Этого хватило для появления самобытной цивилизации, в бытовом плане напоминающей эпоху начала освоения космоса. Впрочем, это была цивилизация-рецептор, она лишь поглощала крупницы знаний, чудом достигшие ее, но сама ничего не производила. Разумеется, кроме полезных карцезитов, применяемых в машиностроении по всей галактике. Скорее всего, именно карцезиты сыграли ключевую роль в развитии общества Апхокетоль – за ценными камнями стали прилетать корабли с торговой целью, попутно занеся на диковую планету то, что считалось старым хламом – книги. Именно так Апхокетоль приобрел свое настоящее лицо – уникальную, ни на кого не похожую цивилизацию.

Но помимо истинного лица, у Апхокетоль была живая, дикая, необузданная, рвущаяся из глубин гор душа. Эхолор. Проклятье планеты, которую до того никто не решался заселить. Странное и необычное геологическое явление, столкновение бурных воздушных масс с хрупкой горной породой. Эхо... В основе всего эхо, отражение быстрых ветров, пойманных в ловушку кривых, замысловатых скал. Воздушные потоки бьются в горных каньонах и кратерах, усиливая друг друга и создавая резонанс такой силы, что твердый камень крошится, не выдерживая скользящего давления, играющего ветра в своих стенах. Маленькие острые камни увлекаются воздушным движением непреодолимой силы и, выскользнув за пределы своих прародителей-гор, резко обрушиваются вниз, уничтожая все живое на своем пути. Разумеется, кроме единственного приспособившегося к невыносимым условиям растения, покрытого прочной деревянной оболочкой, – лацерса.

Однако, как только цивилизация Апхокетоль совершила прорыв в области познания, люди научились справляться даже с эхолором... Наступила эпоха расцвета. Благодаря интенсивным дождям в холодный период на планете удалось посадить и взрастить множество полезных культур...

– Подождите! – не выдержала я и подскочила на месте. Рассказчик – седовласый пожилой мужчина, волосы которого, к слову, тоже имели необычный красноватый оттенок, вопросительно посмотрел на меня. – То есть как это научились? Почему же сейчас планета пустынна, а люди прячутся в подземных жилищах?

Тонкий холодок пробрался под мою кожу. В первые дни я верила, что цивилизации Апхокетоль просто не коснулись современные веяния или даже конструкторские достижения далекого прошлого. Мужчины и женщины вокруг меня понимающе переглянулись. У жителей Апхокетоль была традиция собираться по вечерам после напряженных рабочих дней в своеобразном баре, единственном на небольшое поселение, в которое я попала, где основным ингре-

диентом всех напитков и блюд был лацерс. И как они умудрялись его так готовить, что яства имели отчетливо разный вкус?!

Терезия привела меня сюда в первый раз, когда я слишком навязчиво просила ее рассказать о судьбе планеты. Теперь же вокруг нас собрались все посетители в полутемном, заполненном острыми незнакомыми запахами помещении, освещенном странными мерцающими лампами, и с потолком, украшенным свисающими сверху и похожими на капли хранилищами питья.

– Расцвет Апхокетоя был сладким временем, – покачал головой старик, погрузившись в воспоминания. – Мы ели много... Веселились часто. У нас были проблемы, но Апхокетоль перестал считаться затерянной дырой. Все, кто хотел, мог покинуть его в любое время.

– Но что-то случилось... – поторопила я рассказчика, который вновь задумался, улыбаясь чему-то в далеком прошлом.

– В какой-то момент жители Апхокетоя перестали чувствовать где правда, где ложь, где истинный путь, а где фальшивый... – начал было мужчина, но женщина средних лет, с выражением лица, полным недовольства, его перебила.

– Во всем виноват Черный Дьявол! – сказала она на повышенных тонах, привстав и махнув сжатым кулаком. – Именно он довел планету до упадка! Из-за него мы стали мало есть и прятаться как трусливые асеры по норам! У нас почти не рождаются дети!

– Уймись, Гатея, – рассказчик устало махнул рукой. – Это были смутные времена, кто сейчас разберет, где правда.

– Чем виноваты мы, простые жители и наши дети, – не послушала совет женщина, – почему мы не можем есть нормальную еду, как во всем мире? Наши защитные сооружения разрушены! Мы вынуждены прятаться от эхолора, в то время как раньше большие плодородные территории были укрыты прочными щитами, позволяющими возделывать землю без страха оказаться под градом смертоносных камней!

– Я видела вдали стопки каких-то плит... – вклинилась я, оживившись.

– Да! – почти что взвизгнула темноволосая худая жительница, одетая в невзрачное платье. – Да! Это они! Разобранные конструкции. Наш бывший город теперь превратился в руины. Мы вынуждены скрываться в норах и каждый день бороться за собственное существование! Будь он проклят, черный...

– Гатея! – мужчина, наконец, повысил голос. – Дай рассказать! Все так, как ты говоришь. Успокойся! – толпа перестала шевелиться и обратилась в слух, в том числе и смутьянка. – В какой-то момент жизнь на Апхокетоле стала настолько сладкой, что мы ощутили вседозволенность, потеряв чувство опасности. Да, все было именно так! – он пристально оглядел толпу сведя кустистые брови, но все молчали. – Жители Апхокетоя перестали уплачивать карцезитный налог, объявив себя независимой республикой. Нам казалось, что мы можем все, в том числе задраить цены на карцезиты на космический уровень. Тогда бы мы стали немисливо богаты...

– Это наша земля! – на сей раз подскочил атлетического вида молодой мужчина с волосами, убранными в хвост. – Наша. И ничья более! Мы здесь родились и выросли. Никто не имеет права указывать нам, как жить! Он поплатится!

– Наша! Апхокетоль наш! Долой рабство! – раздались крики со всех сторон, оповещая о нарастающем возмущении вокруг. Люди взбодораженно трясли кулаками и кричали, не замечая своих искаженных гневом лиц. – Акрес прав! Прочь черный Император! Нет угнетению! Убить урода!

Я замерла, ощущая, как неприятный холодок внутри меня распространяется дальше, парализуя мое тело и сковывая разум. Помотала головой, прогоняя оцепенение и уточнила:

– Так что случилось-то?

– Целиться надо было лучше, вот что случилось! – моментально отреагировала женщина.

– Пусть только сунется! – взревела толпа.

– Всем молчать!!! – рявкнул старик так, что вокруг внезапно наступила тишина. – Итак... Мы, жители Апхокетоя, стали требовать своей независимости, по праву или без, только Богу видно... – вокруг чуть слышно поднялся гул, но никто не решился возразить. – Но мы были не в силах ее отстоять! Верховенство Дальтерии не поддержало наше желание и отказ платить карцезитную подать, а лишь увеличило налог в наказание заслушание. Тогда мы собрали недовольных под сводами укрытого города и плантаций. Мы были намерены идти до конца, отстаивая наши границы и свободу от всех. Апхокетоль – удивительное место, готовое заиграть яркими красками, стоит лишь о нем позаботиться. Но наш разум был поражен единственным желанием. Задолго до этих событий излишки средств от карцезитной торговли мы направляли на вооружение, словно бы предчувствуя скорую войну. Мы были готовы биться и умереть.

Снова повисла пауза. Люди напряженно слушали, а я уже понимала – дело плохо. Желанная или нежеланная война всегда опустошает самые процветающие места. Страдают от этого все, но прежде всего самые обычные жители.

– А дальше... – вновь продолжил рассказчик, наклонив голову вниз, от чего вокруг нее водопадом свесились розоватые пряди. – Для переговоров с недовольным населением прибыл сам Верховодитель Дальтерии. Сам! Мы еще могли бы повернуть диалог в нашу сторону, если бы не тот безумец, что решился на отчаянный поступок! Он стал целиться...

– В дальтерийца?! – ахнула я.

– А в кого же ж? – пробухтел старик. – Только тот везучим больно оказался. Поговаривают заговор на нем отводящий. Луч мимо скользнул. Даже не задел ни разу. Из-под прикрытия целились, траекторию не рассчитали, искажения полотна вмещались. Но тот, кого вы зовете Черным Дьяволом, не простил нас. Он приказал убрать все защитные сооружения с поверхности планеты, лишив мятежников прикрытия. Мы хотели быть выше всего мира, но с тех пор влачим жалкое существование. Мы больше не можем защищаться от эхолора. Наша цивилизация разрушена, а планета была наречена Наказанной.

Я сидела, боясь пошевелиться. Горячая кровь стучала в висках, рождая вихрь смутных ощущений. Боль жесткой рукой стянула сердце. Снова он. Опять он. Я сама не могла разобраться в своих чувствах. Горечь и волнение скрутились размазались путанными пятнами на полотне моей души. Я не понимала, откуда изнутри наползает тревога. Боялась ли я за собственное незавидное будущее либо вновь испугалась того образа, что неизменно мелькал перед глазами, подсказывая, что было бы, не промахнись недовольный житель Апхокетоя. Впрочем, вся эта история случилась довольно давно.

– Возмездие свершилось! – раздался довольный женский голос сбоку. – Говорят, Дьявол так и не пережил нападение норканнов. Мы бедны, но живы, а ему осталось наблюдать за нами лишь из Преисподней!

– Наконец-то! – взревела толпа. – Справедливость торжествует!

Мое восстановившееся было дыхание снова сбилось. Крупные капли пота выступили по краю лба, а грудь оказалась окончательно скована железным обручем, возвещая начало дыхательного приступа. Движение воздуха в легких замерло, а перед глазами замелькали серые круги.

Знакомая с детства мелодия ненавязчиво доносилась сбоку, вырывая из сна забытые давно, тягучие в своей сладости образы. Звонок персональной панели, возвещающей о начале нового дня. Вставать абсолютно не хотелось и я сильнее свернулась в клубок под одеялом, плотно сомкнув глаза. Монита, наша собака породы, ведущей начало от огромных абакенов, лаяла неподалеку, за огромным стеклом, ограждающем помещение на первом этаже от сада и нависающего над ним густого леса. Яркий свет заполнил голубое пространство комнаты, но я жмурила глаза, желая остаться в приятной неге сна.

Я уже поняла, что была не одна. Большая мужская рука мягко погладила мою голову через одеяло.

– Ну па-а-ап... – недовольно протянула я, выглядывая. – Ой! Ты уходишь? – я всполошилась, обнаружив на отце жесткий защитный костюм серебристого цвета.

Он кивнул, ничего не отвечая. Волевой треугольный подбородок порос щетиной, в светлых глазах отца застыла усталость, словно после бессонной ночи. Я протянула руку и уколола пальцы о знакомые колючки. Я любила так делать – касаться его лица, ощущая мощь и доброту одновременно. Я знала – отец никогда не даст меня в обиду.

– Так не честно! – капризно воскликнула я, окончательно высунув голову из-под одеяла. – Ты снова улетаешь. Возьми меня с собой, ну пожалуйста!!! – заканючила, дергая тяжелую руку.

– Не могу, – покачал головой отец, глядя чуть более серьезно, чем обычно. И все же позволил себе улыбнуться. – Туда не берут маленьких девочек. Это путешествие слишком опасное.

– Ну и пусть! Я тоже хочу! Я люблю опасности! Люблю!

– Это очень-очень опасное путешествие, а таких маленьких защитных костюмов, которые подошли бы тебе, к сожалению, не делают, – он покачал головой, словно искренне расстроившись.

– Не честно! – повторила я, надувшись. – А когда мы совершим межпланетное путешествие? Ты обещал!

– Обязательно, малыш. Как только я вернусь, обязательно полетим на Яско-Яско. Говорят, там самые большие парки развлечений и даже целый город, построенный специально для детей.

– Не хочу в парки! Я хочу увидеть настоящего ашера! И эххера! – воскликнула я, подсакивая на кровати и скрючив пальцы, изображая паукообразную тварь. – Я эххер, я эххер! И дрод! – надула я щеки по-жабы.

– Боюсь, ашера я не смогу тебе показать, – засмеялся отец. – Разве что, если мы решим стать его обедом.

– Мы возьмем ему обед с собой! Сладкие луковицы! – озвучила я идею, возбужденно подпрыгнув на мягком матрасе.

– Ну раз сладкие... то, пожалуй, стоит подумать, – засмеялся отец. Но вмиг посерьезнел. – На самом деле, Аля, я пришел посоветоваться с тобой.

– Я слушаю, – сделала я серьезный вид, усевшись и скрестив руки на груди. – Но предупреждаю. Ничем, кроме сладких луковиц со злобным ашером я делиться не намерена!

– Аля!.. – он опустил голову, задумавшись. На минуту в комнате повисла тишина. Она не казалась мне тягостной, я перебрала руками длинные светлые пряди, такие же, как у отца. Он предусмотрительно сковал их заколкой на затылке. Ну я могла потрянуть головой и тогда волосы разлетались вокруг светлым водопадом, падали на лицо, скрывая мою задорную улыбку. Я заерзала от нетерпения. – В жизни каждого человека случается выбор. Иногда выбор бывает непрост... Очень непрост. Иногда мы можем делать то, что говорят нам окружающие. А иногда мы можем слушать голос, который идет из глубин нашей души.

Отец вздохнул, подбирая слова, а я перекосила рот. Папа говорил о чем-то скучном. Гораздо интереснее было бы обсудить, как дикие племена умудрялись ловить и седлать ашеров. Или как мы откроем совершенно неведомую планету, покрытую дикими джунглями, бурными вулканами и искрящимися реками.

– Угу, – послушно согласилась я.

– И вот тот выбор, который идет от нашего сердца... Который мы чувствуем своим... он... Он может привести к тому, что многие нас не поймут. И тогда... – серьезный мужчина снова запнулся. Мне странно было видеть папу таким. Он словно сомневался в чем-то. Нет! Я привыкла его видеть сильным защитником, военно-командующим, которым гордились все –

моя мама и мои друзья. Мой папа – самый лучший в мире воин! Он никогда не бывает слабым! Он победит всех врагов и скоро вернется ко мне! – Наша жизнь может резко измениться. Увы, не в лучшую сторону. Возможно, нам придется расстаться. На какое-то время, – отец закончил свою речь, с шумом выдохнув воздух.

– Нет, я тебя никуда не отпущу! – помотала головой я. – По крайней мере, пока мы не приручим настоящего дикого ашера! – я запрыгала на кровати. Обняла отца, видя, что он не реагирует на мою шутку. – Я люблю тебя, пап...

– Я тоже люблю тебя, малышка, – отец, наконец, растянул губы в улыбке. – Иногда мы не можем выбрать другую судьбу. Когда вырастешь, ты поймешь.

– Иногда-иногда... – проворчала я. И, немного поразмыслив, воскликнула: – А что будет, если ты выберешь другой выбор?

– Выбор нельзя выбрать, – мягко пожурил меня отец, а в его глазах промелькнули смешные искорки. – Если я сделаю другой выбор, то все останется, как прежде.

– И мы даже сможем полететь в путешествие?!

– Вероятно, да...

– Тогда да! Да, да, да!!! – возбужденно закричала я. – Выбери второй выбор! Второй!

– А что, если второй выбор сделает меня несчастным? – спросил тогда отец, но я была маленьким ребенком и не видела никакой подоплеки в его словах.

– Нет! Ты не будешь несчастным папа! – покачала я головой, прижавшись к его груди. – Со мной ты никогда не сможешь быть несчастным. Никогда! Мы вместе облетим все планеты на свете и станем самыми счастливыми...

Я крепко-крепко обхватила его руками, закрыв глаза и мечтательно представляя голубую планету с самими прекрасными во всем мире рассветами, бирюзовыми лагунами и белым-белым песком с резвящимися в прозрачной воде разноцветными диковинными рыбками. Тогда я еще не знала, что моим мечтам не суждено было сбыться.

– Надо же какая чувствительная... – пробормотал женский голос сбоку. Моего лица коснулась мокрая тряпка и погладила меня по лбу.

– Конечно! Она-ж неместная! Видать, жила-то не в таких условиях! Тут бы любой упал! – отвечал мужской бас с другой стороны.

– Узнать, что теперь всю жизнь проведет на такой ужасной планете, бедняжка...

Я с трудом разлепила глаза, ощущая вибрирующий гул в голове. Гудение сопровождалось знакомой мелодией. Я перевела взгляд в направлении источника звука. Эндю, как ни в чем ни бывало, завис сверху и проигрывал известный с детства мотив.

– Эндю... – позвала я тихонько. Губы слушались с трудом. Я лежала на мягком матрасе прямо в баре, надо мной склонилась пара человек, остальные, очевидно, расселись поодаль. Над Эндю был виден землянистый потолок со скудными желтыми лампами, висящими прямо на доисторических проводах.

– Точных данных нет! – тут же отрапортовал мой круглый друг, а я сморщила лоб, пытаясь понять смысл его слов. – Сведений о составе командного состава Дальтерии не поступало!

– О чем это он? – спросил кто-то и вновь посетовал: – Вот незавидная судьба...

– Не пужай девицу! – рявкнул седой мужчина, до того рассказывающий о планете. – Робот прав. Еще неизвестно, как сложится наша судьба.

– Уж лучше бы нами правили норканны! – ответил ему все тот же визгливый женский голос, слышанный мною ранее. – Если Дьявол жив, то я от всей души желаю ему сгореть праведным огнем!..

– Норканны редко оставляют жителей на подвластных планетах. В живых. – Пояснил мой робот и вокруг на время наступила тишина, позволившая мне собраться с мыслями.

– Откуда мелодия, Эндо?.. – только и смогла вымолвить я. Я вспомнила. Это был звонок моего будильника из далекого детства.

– В результате исследования произвольных реакций на подпороговые раздражители мною были выявлены звуки, на которые нервная система Альтареи дает быстрый отклик... – пояснил шар, ничуть не смутившись.

– Отлично... – пробормотала я с издевкой, понимая, что робот не терял времени даром и успел изучить меня вдоль и поперек. Хотя, надо было признать, что именно эта старая мелодия привела меня в чувство. Откуда он только ее раскопал...

Я попыталась привстать и мне на помощь тут же пришел мужчина, которого ранее назвали Акресом. Он бережно приподнял меня и придержал за плечи, позволяя мне устроиться поудобнее. А затем протянул стакан простой воды. Я с благодарностью приняла подношение. Жители планеты, на удивление, не озлобились, а только сплотились в своей общей беде. Простой быт формировал общинное хозяйство, в котором все были на равных и меня, чужестранку, приняли легко и доброжелательно, поделившись кровом и едой. Это было так... необычно.

– А какие еще мелодии ты можешь играть, робот? – спросил кто-то из зала.

– Самые, что ни есть, разнообразные мелодии и даже видеотрансляции! – мигом откликнулся шар и сверкнул от гордости.

– Покажи!!! – тут же раздалось с разных сторон и все как будто бы забыли про меня и мимолетное приключение с внезапным обмороком залетной девицы, переключив внимание на моментально расширившийся экран Эндо. Лишь Акрес остался рядом, не забывая интересоваться моим самочувствием каждые несколько минут.

Этот вечер закончился полным увеселением жителей планеты Апхокетоль, созданным благодаря странному и необычному для здешних мест роботу, вобравшему в себя огромную библиотеку видеосюжетов и хроник. Оказалось, что роботов, даже самых обычных сервисных, не было у апхокетольцев и в помине, что казалось мне чем-то невероятным. Но нет... накопить денег на самый простой интеллектуальный механизм жителям наказанной планеты было не под силу даже за всю жизнь ежедневной работы. Роботов сюда просто не доставляли, а делать заказ было ужасно дорого. Поэтому Эндо, даже не имея доступа к всеобщему информационному пространству, превратился из диковинки в местного любимца, скрашивающего вечера скучающего населения благодаря многочисленным трюкам и бесконечным видеосюжетам, сохраненным в памяти за время наших межпланетных странствий.

Впоследствии почти каждый вечер Эндо пропадал в баре, радуя уставших за тяжелый трудовой день людей. Я не возражала, иногда сама присоединяясь к зрелищам, но чаще оставалась дома, чтобы провести время с Филом.

К слову, после продажи моих волос мальчик так и не смог приобрести себе Энциклопедию видов. Средства ушли на необходимую одежду и предметы быта, а также, большей частью, на импульсную зарядку, так необходимую Эндо, которую пришлось разыскивать благодаря нашим новым знакомым по всем ближайшим поселениям. После этого я пообещала себе, что буду работать так быстро, что обязательно отблагодарю Филадельфию, давшего мне жилище и превратившегося в настоящего друга, так желанной для него книгой.

Фил увлекался биологическими науками и поэтому в его комнате в многочисленных горшочках ютились слабые растения, недополучавшие солнечного света. Но все же... живые. Это были остатки сохраненных процветавших здесь когда-то культур, которые в условиях подземного заточения больше не могли приносить живительных плодов. Но Фил все равно держал их, как говорил сам, с научной целью. Я поддержала увлечение мальчика, искренне надеясь, что когда-то он сможет показать этим небольшим росткам настоящий солнечный свет.

Глава 3

Яркие образы быстрыми вспышками проносились в сознании, вереница впечатлений не оставляла мне шанса сосредоточиться и понять смысл происходящего. Внизу разгоралось пламя, я словно парила над ним, но следом с удивлением обнаружила, что меня держит большая черная рука. Я взглянула вверх и сердце странно забилося, словно в предвкушении, но маска быстро отвернулась, оставив во мне горечь разбитого ожидания. Темная фигура метнулась вбок, скрываясь за мутными очертаниями разрушенного корабля, я же оказалась на твердой поверхности незнакомого коридора, пламя исчезло, но я настойчиво шла вперед в поиске того, что меня сильно влекло.

Я двигалась медленно, словно наощупь, пытаюсь отыскать нечто важное в пустынном безлюдном пространстве, но силы быстро заканчивались и изнутри накатывал страх, что я так и не смогу разгадать эту загадку. Я застывала на месте, беспокойно оглядываясь, но темной фигуры не было нигде. Как неуловимая тень, она растворилась в пространстве без следа.

– Аля!.. – кто-то настойчиво дергал меня за руку. Голос доносился снаружи, коверкая пространство, разрушая странную гармонию геометрических форм.

– А? Что?.. – я с трудом разлепила глаза, привыкая к слабому внешнему свету.

– Ты кричала во сне, – Фил сидел на краешке моей кровати и неуверенно протянул ладонь к моей руке.

– Да? – промычала я, пытаюсь сосредоточиться. Мутные образы так же быстро скрылись из сознания, как и проникли в него. – Прости, что разбудила.

Кровать Фила находилась за тряпчатой перегородкой и препятствий для звука не было никаких. Наша комната освещалась желтоватым отраженным светом от встающей звезды.

– Тебе надо больше отдыхать, – вздохнул мальчик, а я перехватила его руку.

– Вовсе нет! – помотала головой. – Я хорошо себя чувствую! – я скосила глаза на свой четырехмесячный живот. – Самое время для работы. И спать уже не хочется!..

К счастью, работа на Апхокетолле занимала так много времени, что в сон я проваливалась без труда и практически никогда не просыпалась. Но время от времени меня застигал врасплох один и тот же образ с пламенем и длинными коридорами. Будь моя воля, я бы вычеркнула этот эпизод из своего сознания.

– Час еще можно поспать, – посоветовал Фил.

– Спасибо, не надо!.. – упрямо возразила я, чувствуя, что спина взмокла от ночных переживаний. – Больше не надо снов, – я присела и потянулась. Улыбнулась через силу.

– Ага, значит, был сон! – тут же оживился мальчишка. – Расскажи!

– Ерунда всякая, – отмахнулась я. – Ты подсчитал, насколько мы превысили план по карцезитам?

– Расскажи! – Фил словно не обратил внимание на мои слова. – Ты ведь много где была...

– Все хочешь знать... – я легонько ткнула мальчика в нос и рассмеялась. – Нос отвалится!

По правде говоря, я и сама не помню, что мне снится. Лучше я расскажу тебе, как меня за ногу схватил огромный жук!

– И кто же тебе помог? – задал вопрос мальчик после того, как я эмоционально поведала историю о своей неудачной попытке приблизиться к знакомым цветам на Сальдери. Вопрос застал меня врасплох, внутри мигом заструились воспоминания и нахлынули образы недавнего прошлого, острым лезвием распарывая стену, которой я желала окружить свои чувства. Мрачная фигура из моих фантазий приближалась стремительно, припирая меня к стене, заглядывая в мою душу резко и неотвратно... Я мотнула головой.

– Никто. Друг... – я отвела глаза. Другом Зэлдара можно было назвать лишь с очень большой натяжкой, но никакого корректного названия этому человеку я придумать не могла. Кор-

ректного и правдивого. Правда была такой, что любое прикосновение к ней вызывало болезненный укол, поэтому ради ребенка я старалась не тревожиться лишней раз.

– Это из-за него ты здесь? – Фил оказался на редкость догадливым.

– Это длинная история, – увернулась я, улыбнувшись. – Расскажу в другой раз.

– Как хочешь... – разочарованно протянул мальчик. – И все-таки ты очень счастливая, что успела побывать в разных мирах. Мне это не светит.

– Ты что! – я схватила его за плечо. – Не думай так! Еще как светит! Ты совсем молод, а за будущее всегда надо бороться! Не зря же ты выращиваешь всю свою коллекцию, упорства в тебе не занимать!

Я скосила глаза на ряд ящичков, созданных из подручных материалов, из которых вверх тянулись тонкие растения. Стоит создать для них парниковые условия, и хилые ростки превратятся в густой зеленый оазис. Не хотелось бы, чтобы из-за глупых запретов это так и осталось несбыточной мечтой.

– Не занимать, – с гордостью согласился подросток. – Только все это бесполезно. Апхокетоль – проклятая планета. Мы никогда не сможем выбраться с нее. Наша жизнь пройдет здесь, в подземный норах, – Фил с силой пнул стоящий рядом стул и тот с грохотом упал. – Здесь мы и сдохнем...

– Ну-ну... Успокойся! Мы что-нибудь придумаем... – залепетала я, стараясь поддержать мальчишку, хотя сама не была уверена в своих возможностях. – Мы будем много работать. У нас есть преимущество! Эндо нам поможет. Он о-о-очень умный.

– О твоем роботе уже все говорят, – покачал головой Фил. – Но... ты можешь продать его. Мало не проси. Может быть, тебе даже хватит на путь домой.

Я нахмурилась. Видит Вселенная, с какой тоской я вспоминала о доме и родных людях, и как невыносимо сильно мне хотелось вернуться в беззаботное прошлое, забыв хотя бы о части проблем. Чтобы передать им послание мне придется работать еще очень долго, ведь любая связь со сторонними территориями здесь происходила лишь по нелегальным каналам, просившим слишком большое вознаграждение.

– Эндо не продается, – покачала головой я. – Он и... не совсем робот. Эндо сам определяет свою жизнь, он может покинуть меня, если захочет.

– Чудная ты... – заулыбался Фил, отчего в его глазах заискрились воображаемые искорки. – Разве можно давать свободу роботу?

– Он стал очень близок мне, – ответила я серьезно. – Ты можешь смеяться сколько угодно, но я это чувствую так. А самая большая любовь к близкому – это дать ему свободу.

– Ты говоришь странные вещи, – заметил мальчик, а я вздохнула. И правда, не слишком ли сложные идеи я возвучиваю для столь юного возраста?..

– Свобода самоопределения – это то, что позволяет нам быть самими собой, не притворяясь, не надевая маски. Когда мы любим кого-то, мы не можем требовать любовь взамен. Мы не можем, не должны распоряжаться жизнью этого человека. Единственное, что мы способны – дать ему свободу самому решать и делать выбор. Разве наши близкие этого недостойны?

– Может, и достойны... Но робот... – зеленые глаза смотрели недоверчиво.

– Я тоже не могу поверить в это, Фил. И все-таки это так. Знакомство с Эндо перевернуло мои представления о робототехнике, одного лишь я не знаю, что это за удивительная технология... – пожала я плечами.

– Лэквэр! – уверенно донеслось из-за перегородки.

– Эндо! Так я и знала, что ты нас подслушиваешь! – в голос рассмеялась я. И, обращаясь к Филу, добавила: – И все же я преувеличила свою роль в жизни Эндо. Иногда мне кажется, что это именно он управляет всеми нами. А что такое Лэк..., как там?

– Жидкостный способ передачи информации. По поводу всего остального я лишь руководствуюсь вероятностными расчетами.

– Он всегда так говорит, – махнула я рукой в сторону невидимого за ограждением шара. – Мы все с удовольствием послушаем о твоей технологии, Эндо, на вечерних посиделках. А вот вероятностные расчеты я попрошу тебя применить к возможным способам поменять наш образ жизни.

– Это приведет к избытку нервной активности Альтареи... – тут же подал голос упрямый шар. Разве можно его после этого считать управляемым роботом?

– Я справлюсь, Эндо, будь уверен, – как всегда зашпорила я. – Я уже привыкла к повышенной нервной активности.

Робот недоверчиво зажужжал, но ничего не ответил. Некоторое время в нашем общем пространстве висела тишина, каждый погрузился в свои мысли, но внезапно Фил произнес чуть слышно:

– А моим самым близким человеком была мать... – слова моментально утяжелили пространство и мальчик замолчал.

– Я понимаю, Фил, как тебе непросто говорить об этом, – я вздохнула, подбирая нужные слова. Он кивнул и, подумав, словно сомневаясь, поделился:

– Она тоже боролась. Верила и хотела нам другой жизни.

– И это правильно, Фил! – я постаралась поддержать мальчика, но он внезапно выдернул свою руку из моей.

– Ты не понимаешь! – его губы зло искривились. – Она сделала это из-за меня. Лучше бы я ей не давал свободы! Я должен был удержать ее, удержать любой ценой...

– О чем ты! – воскликнула я, поддавшись вперед и пытаясь дотронуться до худой спины подростка, но он успешно уклонился вбок. – Твоя мама была обязана заботиться о тебе, поэтому она и отправилась искать лацерсы в период дождей. То, что с ней произошло – случай, несчастливое стечение обстоятельств...

– Нет... – тело мальчика вдруг резко обмякло и он опустил голову. – Она искала не лацерс...

– А что же? – взбудоражилась я.

– Это все книги, – торопливо сказал подросток. – К нам попали в руки старые исследования растительных видов. Там было сказано... впрочем, местные легенды тоже это утверждают. Лацерс – очень выносливое растение. Но он цветет раз в несколько сотен лет, отдавая ветру тысячи новых семян, рассеивающихся по большой территории и благодаря внутренним пустотам, не тонущим в почве, как камни. Так вот, почти никто не видел цветок лацерса, хотя говорят, он удивительно красив, и его можно продать за баснословную цену Дродам. За такую, которая позволит добраться до ближайшего космопорта.

– Твоя мама искала цветок!.. – осенило меня.

– Именно! – оживленный голос мальчика резко наполнился нотами отчаяния. – Она хотела иного будущего для меня. Но, не успела... Ее так и не нашли.

Мои глаза непроизвольно увлажнились. Можно понять горечь мальчика, потерявшего не только самого близкого человека, но и надежду на новую, радостную жизнь. Не каждый взрослый выдержит такое, не говоря о ребенке.

– Вы, наверное, были очень близки, – только и вымолвила я, – раз вместе читали книги и строили счастливые планы.

Ответом мне было молчание и я на время тоже погрузилась в свои мысли, скользя взглядом по согнутой худощавой фигуре, обтянутой в выцветшие старые ткани землянистого оттенка. На Апхокетолe все было такого цвета – оранжево-коричневого и желтовато-серого. Краски жизни словно покинули наказанную планету.

– Спасибо, что поделился, Фил, – мне удалось, наконец, дотронуться ладонью до спины с выступающим позвоночником. – Мне очень важно твое доверие. Я... сопереживаю твоему горю. Однако, ты должен понять, что ты вовсе не виноват в сложившейся ситуации.

Он хмыкнул, криво усмехаясь. Мальчик успел убедить себя в том, что теперь тяжким бременем лежало на всей его жизни.

– Да, Фил, да! – воскликнула я, уже с негодованием. – Ты не виноват! Твоя мама совершила поступок, достойный самого чуткого сердца. Она любила тебя. И она сделала все возможное, чтобы дать своей любви бороться со сложными жизненными обстоятельствами. Она – как храбрый воин, сражалась до конца. Она отстаивала свое право дать тебе максимум своей любви, пытаясь найти способ изменить твое будущее к лучшему. Да, она проиграла. Такое бывает. Но ты – не должен. Ты не имеешь права сдаваться. Сила ее любви к жизни теперь перешла к тебе.

– Может, ты и права, – через некоторое время раздался ломающийся голос подростка. – У меня получится сделать то, что не вышло у нее.

– Конечно! – я широко улыбнулась. – Я теперь понимаю, зачем ты выращиваешь в таком количестве лацерсы. Наверное, ты надеешься, что один из них однажды зацветет.

– Пустые мечты, – мальчик развел руками. – Я выгляжу глупо. В этих условиях лацерсы не зацветут никогда.

Я понимала, что мечты ребенка действительно наивны, но когда, как не в детстве, предаваться фантазиям?

– Зацветут, если у тебя в запасе есть пара-тройка сотен лет, – игриво улыбнулась я. – Только не смей считать себя глупым! Мечты, идущие от чистого сердца, никогда не могут быть глупыми!..

– Скажешь еще... – Фил повернулся ко мне, заглядывая в глаза.

– Правда, у меня столько времени нет, поэтому я буду действовать другими методами. Я уже старая, мне ждать цветов неохота.

– Брось! Ты такая же старая, как я... инопланетный захватчик! – окончательно развеселился мальчик, а я поняла, что баланс этого утра восстановлен и мы приступим к работе в хорошем настроении.

Я перебирала сухие камни отстраненно и почти автоматически обращая внимание на проблески ценного минерала. Мои мысли были устремлены внутрь, в середину моих глубинных чувств, не столь безоблачных, как я хотела бы думать. Я вела себя подчеркнуто весело и оптимистично с ребенком, понимая, как важна для него сейчас поддержка. Если я раскисну, то где мальчишке, и так страдающему чувством вины, взять пример другого отношения к жизни? Я была обязана давать ему ту связь, которая так необходима неокрепшему уму, нуждающемуся в поддержке взрослого.

А вот я сама...

Сама я отчаянно нуждалась в дельном совете, однако, по иронии судьбы за помощью обратиться было не к кому. Разве к самой себе, ведь я сама должна была разобраться в хаосе мыслей, накрывавшем меня с головой день ото дня.

Стоило мне почувствовать себя в безопасности и условиях относительной стабильности на наказанной планете, как я мигом начала сомневаться в верности моих действий. Апхокетоль дал мне укрытие и верных друзей в лице Фила и Терезии, и даже сильный Акрес частенько делал недвусмысленные намеки, показывая мужской интерес. Его не смущало даже мое будущее материнство.

Но, самое главное – я ощутила себя свободной, несмотря на многообразие внешних ограничений. Разрушительный климат планеты и невозможность прикоснуться к современным технологиям не сломили меня. В условиях отсутствия принуждения я начала дышать заново, а сердце согрелось теплотой и радушием окружавших меня людей. Только сейчас я ощутила, насколько заледеневшей была моя душа последнее время и скованным тело. Я вновь училась

искренне смеяться и... доверять. Однако, ворчливая старуха, столь явно переживающая за мою судьбу, и подросток, сохранивший детскую наивность, не оставили мне шанса на угрюмое поведение. Я привязалась к ним так сильно, словно знала их всегда.

Сами жители нередко величали свою планету затерянным местом, никому не нужным поселением на краю галактики, что было близко к истине. Но исключительно размеренный и мирный образ жизни населения Апхокетоль дал мне возможность вернуть душевное равновесие и вновь ощутить себя... живой. Прежней. Без страха встающей по утрам и возвращающейся в дом, где меня ждут и волнуются... Такой, какой я была до встречи с Ним. Человеком, использовавшим мое тело и вывернувшим мою душу наизнанку. Каждый раз, когда мои мысли возвращались к дальтерийцу, я ощущала себя так, словно меня пережевал и выплюнул огромный ашер. Он даже не посмотрел в мою сторону, а отправился дальше по своим делам! Дрод его дери...

Было и еще нечто, что не позволяло мне впасть в уныние и неизменно поддерживало мои мысли в тонусе. Но для начала, будет несправедливо, если я не вспомню Эндо, бесконечно подбадривающего меня, да и всех окружающих, задорными шутками. Маленький робот, как я и сказала Филу, превратился не просто в компаньона по путешествию. Его, казалось бы, механический ум странным образом проник мне в сердце, словно бы машина сама обладала не просто разумом, но и настоящими живыми чувствами и, не побоюсь сказать, душой. Возможно, так оно и было...

Но я бы хотела упомянуть о другом... Я замирала с содроганием, стоило мне вспомнить, что когда-то я хотела избавиться от своего малыша. Сейчас мне было сложно понять, какими чувствами я руководствовалась в тот момент. Неужели мой разум был поражен болью и страхом до такой степени, что я готова была излить это на ребенка, разрушив его жизнь? Я не могла поверить тому, что с легкостью смогла превратиться в монстра. В настоящего монстра, несмотря на свое внешнее добродушие и мягкосердечность, ведь только настоящее чудовище, не раздумывая, сможет уничтожить судьбу, которая только зародилась.

Теперь же благодаря всевидящему экрану Эндо я регулярно наблюдала, как развивается мой малыш, и полюбила его искренне и беззаветно. Пока ребенок во мне рос медленно и был еще слишком мал, но уже вполне напоминал крохотного активного человечка. Я не представляла, как сложится наша жизнь, стоит ему появиться на свет, но уже знала, что буду, как и мать Фила, биться до конца за его самое счастливое будущее. Только что сделает его самым счастливым, даже если мы сумеем справиться с простыми сложностями быта, я тоже не знала.

Точнее... знала. И если раньше я была уверена, что взросление рядом с Зэлдаром не принесет ребенку ничего хорошего, то теперь червь сомнения усердствовал прогрызть во мне огромную дыру. Стоило ли отрывать ребенка от отца, который показал себя с разных сторон, но так и остался для меня неразрешимой загадкой? Я старалась думать об этом как можно меньше, поскольку подобные размышления стремились превратиться в непроходящую, зудящую боль. Боль, которую нельзя было унять ни одним средством, кроме как вытеснить из сознания, уйдя с головой в работу.

Наивно было бы полагать, что Апхокетоль избавит меня от ран на сердце. Как бы я ни закрывалась от переживаний, но безумное приключение на черном аюстере, так и норовило проникнуть в сознание и завладеть моим вниманием целиком. Я с содроганием прислушивалась к пересудам местных жителей, силясь понять, что стало с Зэлдаром, желая знать это отчаянно, но с такой же силой пугаясь плохих новостей. Однако информация была скудной, известно было лишь о продолжающихся боевых действиях с норканнами и больших потерях с обеих сторон. Я смогла признаться себе, что остро желаю лишь того, чтобы отец моего ребенка остался жив. Стоило мне представить Зэлдара, как я мысленно переносилась обратно, в комнату, ставшую нашим общим местом на несколько недель. Странная грусть завладевала мной,

будто бы нечто важное так и осталось там, в помещении, разрушенном во время крушения аюстера.

Вот и сейчас, задумавшись, я ощутила, как непроизвольно увлажнились глаза и опустила голову, чтобы Фил или крутившаяся поблизости Терезия, случайным образом не заметили мое состояние. Оно было настолько глубоко личным, что я не могла поделиться им ни с кем. Боль, которую я старалась запечатать в своем сердце, то и дело проскальзывала наружу, показывая мои истинные надежды и безумные ожидания. Как ни старалась я оправдать свои действия, жизнь чувств подчинить порядку мне было не под силу.

Привыкнув к размеренной жизни на Апхокетоле, я смогла переосмыслить все мои предшествующие заточению на планете приключения. Теперь похождения не казались мне столь пугающими и неприятными, как прежде. Прав был Фил, говоря, что мне посчастливилось познакомиться с совершенно невообразимыми природными местами. Когда я вспоминала холодную, пронзительную своим кровавым рассветом, Катарию, пышную тропическую Сальдери с гигантскими насекомыми, ядовитую красавицу Антинорию, вводящую разум в безумие, и жаркую планету Синей Руды, подарившей мне самое большое разочарование, мое сердце сжималось с сожалением в легкой ностальгии. Но я знала, грусть вызвана не только необычными местами. Я скучала... по нему. И никак не могла принять этот факт.

Странный человек, скрывающий лицо, зародил в моей душе бурю сомнений. Подчиняясь спокойному и скучному ритму Апхокетолы, мое негодование улетучилось и я осознала, что мои отношения с Зэлдаром внезапно потеряли трагический оттенок. Быть может, это была всего лишь игра памяти, желавшей вычеркнуть неприятные эпизоды из поля видимости. А может... характер дальтерийца был не так уж страшен? В конечном счете он не нанес мне никакого физического урона, за исключением нашей первой судьбоносной встречи. У него было много возможностей избавиться от меня, но мы словно интуитивно избегали причинять явный вред друг другу, несмотря на очевидное военное противостояние между нашими народами.

Да, дальтериец был груб и нелюдим, но последний разговор показал, что его отгороженность связана отнюдь не с равнодушием или эмоциональным холодом. Он дал понять, что слишком хорошо познал меня, застал врасплох и обезоружил мысли, проникнув в глубины моего разума и переживаний, достать на поверхность которые я долго не решалась. Невероятно было признавать, но Зэлдар смог понять обо мне нечто такое, что было не по силам никому другому, и даже мне...

Это влекло меня как сильнейший магнит и пугало одновременно. Я жаждала продолжить наш последний разговор, как канатоходец, мучительно застрявший на середине пути. Я хотела сделать рискованные шаги вглубь, раскрывая наготу своей души, словно в ней притаилась мучительная чернота, которую никто, кроме дальтерийца, не смог достать на поверхность.

Временами я вспоминала его лицо, искаженное мучительной гримасой, пугающее и... красивое несмотря ни на что. Желтые глаза словно и сейчас продолжали следить за мной, а внутри росло желание упасть снова в раскаленный песок на их дне. Изнуряюще и медленно меня затягивало на их глубину, несмотря на расстояние и дефицит информации. Человек с маской вместо лица посеял внутри меня не только свое семя, он проник в мое сознание целиком, по крупитцам захватывая его против моей воли. Быть может, я страдала редкой формой мазохизма, но сейчас все, что между нами происходило, перестало казаться столь отвратительным. И даже его замершее в немом крике лицо не выглядело безобразным, а, наоборот, влекло к себе невероятной и необъяснимой силой.

– Вот и сошла Аля с ума... – пробурчала я себе под нос.

– Провести диагностику умственного состояния? – тут же раздался тонкий голос Эндо сбоку. Робот помогал мне искать карцезиты и делал это куда быстрее меня.

Я обиженно насупилась и больше не рисковала показывать свои мысли. Мысли, к которым я никак не могла привыкнуть, подсказывающие, что путешествуя на смертоносном

аюстере, я упустила нечто важное. То, что вспышками странных образов проносилось ночью, и навязчиво расцветало в моей голове днем.

– Что же делать?.. – через некоторое время, задумавшись, вновь спросила я вслух.

– Для начала необходимо оценить травматичность предполагаемых действий, – моментально отзывался Эндо.

– Ты себе не изменяешь, Эндо, – покачала головой я. – Только как оценить травму сердца?

– Сердечной мышцы? – всполошился робот.

– Нет-нет! – замахала я руками, улыбаясь. – Я имела в виду, души.

– Хммм... – совсем натурально задумался робот. – Для восстановления души от травмы необходимо заполнить ее до краев! – изрек Эндо после обращения к внутренней базе данных.

– Не получается, Эндо, заполнить, – с грустью изрекла я. – Не хватает важного элемента.

– Необходимо добыть минеральное соединение? – Эндо несколько раз моргнул гигантскими черными глазами.

– Ты, явно, издеваешься? – вспыхнула я, оторвавшись от работы и возмущенно взирая на друга. Но тот, как всегда, был невозмутим. – Ты же знаешь, что такое душа?

– Знаю, – согласился негодяй, явно решивший вывести меня из равновесия. – Душа – это слепок чувств. Для полноты души необходимо дополнить ее другим слепком, идеально подходящим по форме первому.

Я хотела вновь возмутиться наглым советам робота, но внезапно перевела глаза вниз, на слегка выступающий живот. Интересно, сможет ли новый человек дополнить мои чувства до необходимой целостности? Сможем ли мы быть счастливы, имея лишь друг друга?

Я прислушалась к своим чувствам настолько, что начисто забыла про перебор камней и застыла на месте. Внутри шевельнулось, или я просто фантазировала, впечатленная цветными съемками жизни моего живота, которые регулярно демонстрировал робот.

Ответ, пришедший мне в голову, ошеломил и испугал одновременно. Нет, я не могла быть счастлива, проведя всю жизнь наедине с собственным ребенком. И я, и он отчаянно желали увидеть виновника всей этой ситуации.

– Не думаю, что ему есть до этого дело. Кого-то дополнять. – Невольно проговорила я.

– «Думать» – не слишком надежный источник информации, – мигом отозвался дерзкий шар, но я впала в задумчивость окончательно.

Еще одно чувство, в котором мне следовало признаться – обида. Если с Зэлдаром все в порядке, то почему за два месяца так и не вспомнил, не пытался разыскать меня? Неужели я все-таки не вызвала в нем искренний интерес? Я тут же заверила себя, что эти мысли глупы и смысл моего пребывания с дальтерийцем был вполне ясен, и стоит лишь благодарить судьбу за то, что я не превратилась в предмет повышенного внимания. И все же внутри разливалась горечь, от которой я никак не могла избавиться.

Глава 4

Дни мелькали один за другим, укутывая приторной патокой мнимого благополучия. Я себя прекрасно чувствовала несмотря на скудный рацион и была спокойна, как дрозд, но вместе с тем замечала, что все больше и больше погружаюсь в собственные мысли. Это бросалось в глаза не только мне. То и дело я обращала внимание, что Фил направляет в мою сторону сочувственные взгляды. Обычно я сразу же улыбалась, желая показать, что все в порядке, но пытливый ум мальчишки все равно настигал меня.

– Ты слишком скучаешь по родным? – спросил подросток, стараясь заглянуть мне в глаза, которые я непроизвольно отводила.

– Конечно! – согласилась я. – Ты даже себе представить не можешь, насколько бы я желала проснуться снова в своей кровати и поговорить с родными. То, что я раньше считала скучным и обыденным, теперь превратилось в несбыточную мечту. Ты прав, я грущу без привычных мне дел.

– Но теперь у тебя есть я и что же, ты жалеешь... – начал мальчик, но осекся, обиженно отстраняясь.

– Что ты! – воскликнула я, хватая его тонкие пальцы с неровными ногтями, темными из-за постоянной работы с землей. – Конечно ты есть у меня! И я очень рада, что мы с тобой встретились! Теперь ясно, что все мои приключения были не зря, будь уверен!

– То есть... ты не жалеешь, что все так сложилось? – робко продолжил мальчишка.

– Я вижу, что в этом есть смысл, – покачала я головой. – Ведь при других обстоятельствах вряд ли бы наши пути пересеклись. Но теперь наши жизни связаны. – Я притянула и прижала мальчика к себе. Я понимала, что несмотря на возраст, он остро нуждается в родительской заботе, которую не получал уже много лет. Более того, я неосознанно начала ассоциировать себя с этой ролью. Я словно специально старалась говорить такие слова, которые ребенок должен был услышать от самого близкого человека. Я и сама привязалась к Филу искренне и беззаветно той связью, которая ничем не обусловлена и ни от чего не зависит. Которая бывает лишь между самыми близкими людьми.

– А что если у тебя получится вернуться домой? – внезапно нарушил ход моих мыслей мальчик. – Тогда... тогда ты забереешь меня? – его голос дрогнул и я заметила, что он волнуется.

– Я сделаю все возможное, чтобы ты был счастлив. Где бы это место ни находилось, – я наблюдала, как в зеленых глазах расцветает надежда. – Если у меня появится возможность попасть домой, я без колебаний возьму и тебя. Но... я не буду лишним раз подвергать твою жизнь опасности. Я должна о тебе позаботиться.

– Хорошо, – Фил кивнул, по всей видимости, ответ его устроил. – Но я и сам могу решить, когда мне стоит рисковать, а когда лучше отсидеться.

Я улыбнулась, глупый мальчишка сам не знает, о чем говорит. Мне следовало бы всерьез задуматься о его словах, но по неопытности я пропустила важный сигнал. Очень скоро об этом пришлось пожалеть.

Сезон дождей начался внезапно, когда небеса неожиданно разверзлись и на сухую землю хлынули потоки долгожданной воды. Грунт увлажнился, превращаясь то ли в студень, то ли в клей по виду, создавая скользкие ложбины с текущей влагой. Впрочем, ручьи впитывались в почву, едва успевая появиться на свет. Везде и всюду появлялись всходы лацерсов, чьи семена, притаившись, караулили подходящий сезон. Мы не стремились достать все лацерсы сразу, давая им время подрасти, а растения, словно отвечая нашим желаниям, торопились быстрее набрать вес, чтобы пережить следующий засушливый период.

Каждый вечер усталые и изможденные, но гордые собранным урожаем, жители собирались в знакомом мне баре, чтобы прихвастнуть друг перед другом успехами по поиску новых клубней. Обычно я не ходила на эти сборища, предпочитая тихо коротать вечера дома, в окружении заботливой Терезии и любознательного Фила. Вместе с мальчиком я пристрастилась к чтению доисторических книг, с интересом понимая, что люди в те времена-то и не очень отличались от нас. Те же страсти, те же трудности, только вот техническое оснащение иное. Но разве это главное?

Я так и застыла с толстой энциклопедией в руках, когда неожиданно раздался стук в дверь. Донеслись голоса и я поняла, что Терезия переговаривается с Акресом.

– Альтарея! – дружно позвали они меня и, когда я вышла навстречу, я они оба сияли, как начищенные до блеска аюстеры. – Сегодня праздник по случаю выдающегося урожая. Все веселятся, собирайся!

– Нет, нет, – я устало улыбнулась. – Я собиралась этот вечер провести дома. У Фила замечательный набор старинных книг.

– Алия! – Терезия демонстративно выпучила глаза, скосив их в сторону мужчины, чтобы тот не видел. – Акрес зовет тебя, не зря же он пришел!

– Да, Альтарея, не отказывайся, – мужчина склонил голову набок в просьбе. При этом он загадочно улыбался. – Могу положиться, там будет весело!

Я помотала головой. Акрес был необычайно привлекателен собой: спортивная фигура, выющиеся волосы и умный внимательный взгляд, и в любой другой ситуации мало кто смог бы устоять перед его просьбой, но у меня совершенно не было желания веселиться, да и просто поддерживать разговор. Мне не хотелось отказывать людям, проявившим ко мне доброе отношение, но и переступить через себя я была не готова.

– Прошу меня извинить, я не слишком хорошо себя чувствую, – сказала я почти правду. – В любой другой раз с удовольствием составлю компанию.

– Вот именно! – мигом взвилась седовласая женщина. – Совсем на себя стала не похожа! Акрес, посмотри на нее, только и грустит целыми днями, как маринованный ашер! Тебе немедленно надо развеяться! Другого ответа я не приму! – отчеканила старуха, победоносно глядя на меня.

– Но... – открыла рот, чтобы возразить я, понимая, что переспорить Терезию будет стоить большого труда.

– Такое бывает не каждый день! – вставил свой аргумент Акрес.

– Даже Фил ушел, – припечатала женщина. – Праздник у нас – большая редкость!

– Раз Фил... – пробормотала я. Неплохо бы присмотреть за мальчишкой, который крайне редко посещал вечерние посиделки. Этот последний весомый аргумент окончательно разбил мои планы. Неужели там и вправду будет что-то интересное? – Хорошо. Сейчас соберусь.

– Замечательно! – расплылся в улыбке мужчина.

Стоило нам выйти на улицу, как Акрес, не мешкая, озадачил меня разговором. Мы шли по темной улице, если пространство между крышами можно было так назвать. Светили звезды, а теплый ветер моментально превращал деревню в доброжелательный островок. Хотелось задержаться на воздухе подольше.

– Альтарея... – сказал мужчина, подхватывая меня по локоть, и запнулся. – Я много думал о нас.

– О нас? – удивилась я, а он, опустил голову, погружившись в важные для себя мысли. Я, конечно, и раньше видела симпатию Акреса ко мне. Все это замечали. Однако мне и в голову не приходило, что мужчина зашел в своих представлениях так далеко.

– Да. О нас. – Отозвался он слегка раздраженно. – Кем бы ты не являлась и откуда бы ты не бежала, а то, что ты бежала, я уверен. Прошлая жизнь закончилась ровно в тот момент,

как твои ноги ступили на жесткую землю Апхокетоя. Она ушла, размылась без следа. Но у тебя есть шанс начать все заново.

Акрес остановился и пристально посмотрел мне в глаза. Даже в темноте его глаза казались необычайно внимательными и напряженными. Я смутилась, не ожидая столь откровенного разговора.

– Ты полагаешь? – только и смогла глупо переспросить я.

– Конечно. Со мной.

Дыхание Акреса было непривычно близким и я окончательно растерялась.

– Акрес... – начала я, не зная, как ответить. – Я даже не думала об этом.

– А ты подумай, – брови мужчины приподнялись. – Скоро твоя способность к работе приблизится к нулю. Тебе нужен тот, кто оградит тебя от бед. Я смогу защитить тебя. У меня несколько домов и карцезитная мастерская, в которой мои работники превращают простые камни в блестящий товар. Товар, которым я, без преувеличения, могу гордиться.

– Эндо мне поможет, – пролепетала я, немного отклоняясь. Мне не хотелось обижать Акреса, но вместе с тем сознание спуталось от неожиданного предложения. Что, если и вправду мой удел – не думать о большем, цепляясь за то, что предлагает жизнь?

– Поможет, – кивнул мужчина. – Вместе с тем, ты понимаешь, Эндо робот. Да, сложный, умный робот, но он – всего лишь машина. А машина может сломаться или подвести. К тому же, разве робот сможет дать тебе все то, что может мужчина? Альтарея?

Мои щеки полыхали, как никогда прежде, а мысли нежеланным хороводом неслись в голове. Акрес прав, мне остро не хватало того, что мог дать лишь один человек. Но не Акрес. Я закусила губу и повернулась. Мы медленно пошли в направлении бара по слегка влажной после дождей земле.

– Я не тороплю тебя... – донеслось в тишине. Но я решила ответить.

– Акрес... Мне бы сейчас не хотелось задумываться об отношениях с мужчинами, – слушала я. – Да и заботы в скором времени будут совсем другими.

– В том-то и дело, Альтарея. Ребенку нужна семья.

– Тебя это совсем не смущает? – я улыбнулась. – В таком случае, ты добрый человек и заслуживаешь уважения. Ты удивил меня, Акрес. Но...

– Не говори ничего. Давай помолчим, – он взял мою ладонь в свою и, несмотря на мою легкую попытку освободиться, так и не отпустил. – У тебя будет время подумать. Ты сможешь взвесить все аргументы и принять правильное решение.

Он сделал акцент на последние слова, а я вздохнула. Мы так и вошли в бар, держась за руки, и со стороны выглядели вполне довольной парой. Яркая старомодная музыка рассекала пространство, увлекая в танцевальный ритм, а вокруг, в полутемном помещении, проносились тени. Точнее, люди, облаченные в темные маски и я не сразу догадалась, что праздник похож на карнавал.

Сбоку от входа стояла корзина и Акрес, отпустив меня, выудил из нее две тонкие черные маски, выполненные из твердой оболочки корня лацерса. Какой-то умелец весьма ловко вырезал в жестких сферических скорлупках отверстия, превращающих сухую кожуру в устрашающие физиономии. Я взяла одну, ощущая, как внутри нарастает тревожное предчувствие.

Недоверчиво взгляделась в изогнутые хищные прорези для глаз и ухмыляющийся рот. Поколебавшись, приложила маску к лицу. Акрес уже успел облачиться, явив на свет устрашающую физиономию. На миг она напомнила еще одну маску, которая являлась мне во снах, да так остро, что я невольно качнулась к мужчине. Восприняв это как доброжелательный знак, Акрес схватил меня за руку и быстро втянул в основной зал, где происходило быстрое движение фигур и пляска света от настоящих огней, дополняющих слабое электрическое освещение.

Сначала мне показалось, что люди в масках, делающих их похожими на монстров с планеты Сати, перемещаются хаотично, совершая беспорядочные действия в полутемном пространстве бара. Но потом заметила, что жители держатся за руки и их скольжение подчинено какой-то цели. Огромная змея из людей извивалась, ходила волнами и закручивалась в спирали. Столы и стулья куда-то исчезли. Акрес подтолкнул меня и, разорвав чье-то рукопожатие, мы вклинились в общий поток, ощущая себя частью большего целого. Я прислушалась к эмоциям вокруг, настроение праздника затягивало в свои сети, будоража и создавая атмосферу древнего шабаша.

Я практически не использовала свои способности по Имитационике на Апхокетоле. Удивительно, что мне ни разу не приходило это в голову, а открывать ключи в этом забытом всеми месте и вовсе не требовалось. Однако сейчас, напротив, мои способности резко обострились, я ощутила возбужденное настроение толпы, хаотичную радость и жгучую надежду на неявные перемены и плодородный год. Наверное, в такие моменты люди, будь то первобытное племя или высокотехнологичная раса, на мгновения становятся едины и превращаются в одно большое существо, как гидра, собранная из простейших самостоятельных клеток и подчиняющаяся пусть примитивному, но целенаправленному движению. Так и мое сознание раскрылось приятным опьянением от всеобщей эйфории, заставляя двигаться вперед и кивая головой в такт танцевального ритма.

Вместе с тем, меня заполняли и собственные чувства, среди которых были и недоумение от происходящего, и удивление внезапной раскрепощенностью жителей, и интерес к необычному празднику, а следом за ними гнались ожидание большего, тревога и странное дребезжащее предчувствие. словно светлое будущее коснулось одним крылом и тут же упорхнуло прочь, оставляя внутри придавливающие к земле страхи. В воздухе витали перемены, я это чувствовала, но разгадать загадку не могла. Быть может именно сейчас, играя в переодевание, у меня получится отбросить прошлое? Акрес прав и меня ждет новая, совсем другая жизнь, в которой я смогу открыть свое сердце.

Я украдкой огляделась по сторонам, не останавливая движение, и заметила, что по углам бара концентрируются группы людей, весело смеющихся над заданиями, бывшими, по видимости, традиционными для Апхокетоя. Справа на скорость пили выдержанный напиток из лацерса, утирая щеки от плескавшейся во все стороны жидкости, в другом месте собралась группа мужчин, меряющихся силами и пытающихся расколоть корень одним ударом мощного кулака. Акрес разорвал наши руки и, ухмыляясь, направился в ту сторону, я же мотнула головой и осталась среди движущейся "змеи".

Маски... все дело в них. Казалось бы это игра, но теперь я явственно ощутила, что, одев ухмыляющуюся физиономию, я словно подписала негласный договор. И вроде оставаясь собой, я стала незаметно перенимать те эмоции, которые несло мое второе лицо. Маски гипнотизировали и подчиняли участников себе, затирая привычную рутину и подсказывая, что можно видеть мир иначе, по-другому. Мне стало комфортно и пьяняще весело. Никто не видел моих истинных эмоций, все слезы, тревоги и сомнения остались скрыты за толстой кожей, явив на свет нечто смелое, дерзкое и... разрушительное.

Толпа утягивала меня вглубь, закручивая наше движение в спираль, я не сопротивлялась, крепко держа за руки тех, кого даже не знала. Слабый желтый свет, играющий бликами от живых огней по краям комнаты погружал сознание в нечто древнее, бурное. Вседозволенность. Я позволила себе засмеяться. Никто не видел меня, и смех вырывался клоками, трясая лицо под маской, проникая сквозь грусть и все преграды, до того сдерживающие его. Какая же я все-таки глупая и полностью лишенная интуиции девица! Это ж надо так угодить! Из преуспевающего научного сотрудника с перспективами исследовательских путешествий по всему миру, я оказалась на отсталой планете вражеской цивилизации, занимаясь примитивной рабо-

той, неся растущий живот и не имея никаких шансов изменить свое положение к лучшему. Просто отлично, стоит сказать себе спасибо!

Теперь я понимаю, почему Он всегда носит маску. Так проще. Этот щит ограждает от лишней ответственности, прячет истинные эмоции, скрывает слабость. Не ты наносишь ущерб, совершаешь убийство... Она – маска. Она сделает тебя неуязвимым, спокойным и... безразличным. Его маска не выражала ничего, кроме сосредоточенности и решимости подчинять все своим действиям, насаждать свои правила везде, куда попадал острый взгляд желтых глаз. Они и сейчас словно смотрели на меня, вспарывая тонкую кожу, выворачивая мои мысли наизнанку, но при этом скрывая свои.

Я просто попалась... Мои фантазии зашли слишком далеко, воображая в глубине желтого взгляда притяжение не только физического плана. Мне хотелось бы верить, что за его маской прячется не безликое равнодушие, а бурные чувства, которые он хочет скрыть от самого себя. Но нет... Его обездвиженное лицо говорит, скорее, об обратном. Такие люди не склонны к эмпатии, они могут выводить стройные умозаключения, но не чувствуют трепет чужой души. Не придет он. Никогда. Если бы мог, хотел бы, уже был здесь. Я зажмурила глаза, понимая, что погрязла в бесплотных надеждах, уводящих меня от реальных решений.

– Держи, держи!.. – кто-то тормозил меня слева. Я вяло повернулась и мне в руки тут же угодило что-то круглое и скользкое.

– Сердце! – задорно выкрикнул сосед по игре, начало которой я так и не заметила, увлекшись мыслями. Сердце лацера – полупрозрачная сердцевина корня, скрывающая желеобразную субстанцию под тонкой оболочкой. Я не успела сообразить, что суть игры – быстро передавать сердце друг другу, не повреждая, и мои пальцы, охваченные напряжением от предшествующих грустных дум, резко сжали лацера, выдавливая из него липкую субстанцию. Оболочка с хрустом лопнула, и мириады брызг разлетелись во все стороны, оседая на участниках.

– Сердце разбилось! В круг ее! – радостно завопила и заулюлюкала толпа, подталкивая меня к центру зала. – Жертва определена!

– Что? – только и выдохнула я, когда людская волна буквально вынесла меня в пустой круг, посередине которого тянулась дорожка из камней... нет, я сообразила, что это были не камни, а полупустые оболочки все тех же лацеров.

Люди отступили и я осталась в круге одна, не понимая, что же ждет от меня толпа, которая, как казалось, веселилась и наслаждалась происходящим. В круг выступил грузный мужчина, неся на своей голове не просто скорлупу, а целое изваяние из переплетающихся рогов и иссушенных отростков растения, и ожесточенное выражение вырезав маски.

– Тихо!!! Каким будет следующий год? Успешным и плодородным, либо засушливым и бедным? – вопрошал он, призвав толпу к молчанию. – Справимся ли мы с эхолором или проклятые камни вконец поглотят нас и наш урожай? Пройдет ли эта смелая женщина испытание или станет новой жертвой эхолора? – он загадочно понизил голос, а я вздрогнула. И тут же себя успокоила – опасаться реального эхолора не стоит.

Люди затихли и терпеливо ждали ответ. Я переступила с ноги на ногу. Скорее всего меня не опознали, широкое платье скрывало еле заметный живот, маска – лицо. Если бы я его открыла, уверена, мне вряд ли бы доверили какие-то испытания. В поселении ко мне относились с искренней симпатией. Однако внезапно мне стало интересно, что уготовано человеку, оказавшемуся в круге. Мечты разбиты, надежды порваны, почему бы не рискнуть, отдавшись веянию попутного ветра? Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями.

– Пройдет ли наша героиня по пути древних, осваивающих земли и пробираясь сквозь сложные скалы или оступится и упадет, отдавшись во власть эхолора? – продолжал фантазировать мужчина, а я с любопытством взглянула на дорожку. По виду скорлупки были крепкими и не представляло большого труда их преодолеть.

– Иди-иди! – начала скандировать толпа, а мне в руки снова прилетело сердце лацера и я, на сей раз бережно удержала его.

– Если смелая путешественница сможет преодолеть путь, удержав сердце, нас ждет плодородный год! Если падет под камнями эхолора – боги гnevаются и забирают себе новую жертву, да успокоится эхолор с ней, да сократятся дни камнепада! – провозгласил мужчина, а я поняла – хорошо будет по-любому: и не упасть, и упасть. Здорово придумали, усмехнулась я, только где ж они возьмут эхолор?! Хорошо, что сейчас не древние времена и жертву не отправляют под настоящие камни.

Я смело ступила на первый выступ, запоздало обнаружив, что он шатается. Идти, оказалось, не так легко, но я старательно держала равновесие, осторожно переступая по скорлупкам.

– Иди! Вперед! – кричали люди, словно стараясь помочь мне лишними напоминаниями.

Почти к середине пути я освоилась и расхрабрилась, но тут раздался шуршащий дребезжащий шум и на сцену вылетели веревки, сплошь обсыпанные осколками скорлупок лацера. Они мотались из стороны в сторону, больно ударяя по моим рукам, благо, что лицо было защищено. "Вот и эхолор!" – молниеносно поняла я, усмехаясь и пытаясь уклониться от неприятных прикосновений.

Мне показалось, что у меня неплохо получается, однако через пару шагов веревки с острыми краями вновь мотнулись в мою сторону и я инстинктивно выставила руки, защищая живот. Это моментально нарушило мое равновесие на неустойчивой скорлупе, нога подвернулась и я безудержно полетела вниз.

– Что вы творите?! – рявкнул гневный голос, а две сильные руки удивительным образом успели подхватить меня так, что я не смогла постыдно приземлиться пятой точкой на пол.

– Что вы вообще тут удумали, совсем заигрались! – продолжал возмущаться баритон, ладони потянули меня вверх и я внезапно оказалась на руках Акреса, которого распознала в крепком мужчине. Сердце лацера между нами снова лопнуло, оставляя липкие подтеки в районе груди, где мы теперь соприкасались. – Вы что, не видите ее положения?..

Толпа смущенно попятилась, и вправду не мысля о чем-то подобном ранее. Акреса здесь уважали и даже побаивались, поэтому гнев лидера движения за свободу Апхокетоя воспринимали всерьез. Мужчина, украшенный рогами и завитками, изложивший ранее речь, попятился, стараясь стать менее заметным.

– Нет-нет, я виновата сама, – я постаралась замять неловкую ситуацию. И правда, стоило отказаться и не рисковать здоровьем лишний раз. – Я согласилась.

– Выберите новую игрушку! – в последний раз возмутился мужчина, не слушая мои пояснения. С этими словами он решительными шагами направился в сторону, все еще не отпуская меня. Я завертелась, стремясь принять вертикальное положение, но Акрес не отпустил. Вместо этого он толкнул малоприметную дверь в конце зала и мы оказались в темном коридоре, в котором я раньше никогда не бывала. В отдалении вновь зазвучали голоса, музыка и смех, жители не стали долго грустить и, судя по звукам, вновь замыслили состязания. Мужчина опустил меня на землю и я сделала быстрый шаг назад, прижимаясь к неровной стене.

Мы оставались облачены в маски и даже при слабом освещении я обзревала маску человека напротив и чувствовала странное повторение событий. Да и все было непривычно вокруг и внутри, я окончательно перестала понимать себя. Эйфория и тревога соседствовали вместе, подгоняемые довлеющим разумом, пытающимся взять ситуацию под контроль. К счастью, мужчина резко снял маску и отбросил ее прочь, а потом бережно приподнял мою.

– Ты очень красивая, Альтарея, – прошептал он неожиданно, приближаясь.

– Именно поэтому ты мне говорил все те слова? – я не знала, как реагировать на действия мужчины, стремясь оттянуть очередные объяснения. Он усмехнулся.

– Нет, в тебе масса других достоинств. Кроме одного. – Последнее он выговорил резко. Но я молчала, не в силах открыть рот, поэтому Акрес продолжил. – Ты не можешь забыть.

– Забыть что? – произнесла я чуть слышно.

– Кто он? – мужчина приблизился так близко, что его губы оказались на уровне моего уха. – Скажи мне, Альтарея, кто он?

– Он... – повторила я запнувшись. Внезапно захотелось признаться и сбросить с себя, наконец, весь этот груз изнуряющих отношений. И плакать, плакать... Но какое-то чутье внутри подсказывало – не стоит, не сейчас. – Он – солдат. Дальтериец.

– Солдат? – переспросил Акрес

– Я не знаю, – честно призналась я. – Он не хотел... не планировал всего этого. Мне сложно говорить...

Я услышала вздох, за которым последовало несколько секунд тишины. В пространстве разливалось тепло, ритмичные звуки за дверью заставляли сердце колотиться быстрее, я вновь ощутила желание довериться, не думая больше ни о чем. Как долго человек готов терпеть напряжение без возможности выговориться? Как быстро начинает довлеть одиночество сложного выбора? Я не знала, где найти истину в переплетении путей.

– Акрес, я... – начала говорить, но не успела. Мой рот накрыла волна безудержного поцелуя.

Глава 5

Я и сама не поняла, что случилось. В жизни каждого бывает, что обида накатывает внезапно, заставляя действовать назло всем прежним желаниям. Чувство одиночества и недопонимания ищут выход рядом с тем человеком, кто сам приблизился к нам. Иногда этим пользуются нечистоплотные люди, но Акрес был не таким. Он целовал меня порывисто и нежно, заставляя вновь почувствовать себя желанной, дорогой и настоящей. Те мысли, от которых я давно отвыкла. Те чувства, которые делали меня собой до встречи с Зэлдаром. Утешение сознания, что я вновь не одна.

Обострившиеся ощущения норовили проникнуть в душу Акреса и стоило мне спонтанно это сделать, используя прием имитационики, как стало ясным его сильное влечение, необузданное телесное желание, затопляющее с головой все вокруг, разбегающееся в пространстве золотыми волнами, словно маленькими проворными щупальцами, норовящими присвоить желаемое себе. Не знаю, как относился Акрес ко мне, сейчас в его сознании осталась лишь острая потребность немедленно соединиться с моим телом. Не успела я опомниться, как желание передалось мне, заставляя мое тело согнуться в спазме и задрожать. Молодой сильный мужчина, чей торс был похож на мышечную броню, не мог вызвать другие ассоциации.

Он приблизился ко мне слишком близко, застигнув меня врасплох, когда я вовсе не ожидала, что мое тело начнет жить своей жизнью, подчинившись простым инстинктам. Волна наслаждения заструилась внизу, когда моя увеличившаяся за последнее время грудь, мокрая от лопнувшего лацера, стала тереться о кожу мужчины в расстегнутом вырезе рубашки. Я не смогла сдержать стон. И тут же две ладони скользнули вниз под платье, сжимая с силой мои ягодицы.

Я зашевелилась, пытаюсь остановить безумие, к которому морально была не готова, но не тут-то было! Акрес был настроен решительно и отступить не собирался.

– Акрес!.. – мой вскрик оказался не слишком похож на протест, подталкивая мужчину действовать.

Я сильно мотнула головой и на миг мне показалось, что рядом со мной вовсе не житель Апхокетоя. Горя внутренним огнем, на меня взирала огромная черная маска, являвшаяся мне во снах. Я почувствовала, как щеки коснулось тяжелое шумное дыхание, так знакомое мне. Желтые глаза смотрели неотрывно, в них застыл немой вопрос, и мне хотелось, чтобы их обладатель и дальше продолжал касаться меня... Но это же не он! Ашер! Ошарашенная собственной фантазией, я замерла, создавая мужчине напротив свободу по исследованию моего тела, поэтому его руки сейчас находились совсем не там, где бы мне хотелось, а дыхание, казалось, готово расплавить меня.

Я отвернулась, уворачиваясь от очередного поцелуя и убирая сознание из поля Акреса. Так можно и далеко зайти, его энергии и желания хватит на нас двоих! Однако сконцентрироваться на собственных мыслях оказалось невыносимо сложно. Тело, как заведенный механизм, продолжало гореть, и лишь в глубине сознания билась мысль, что происходящее никак не увязывается с моими собственными желаниями.

За дверью раздалось странное жужжание, похожее на трущийся металл.

– Альтарея!!! – неожиданно позвал Эндо, а я облегченно вздохнула, предчувствуя паузу в безумии инстинктов. – Я сломался!

– Эндо... – выдохнула я, делая порывистое движение к двери, но мужчина удержал меня за руку. Не успела я опомниться, как мягкие губы снова накрыли мои, нежно, но настойчиво призывая к ответу. И тут же в голове вспыхнул новый образ. А как было бы с Ним? Его скованный спазмом рот, наверняка способен лишь к жесткому прикосновению, как и душа, заму-

рованная под слоями сухого песка. Он никогда ни целовал меня, а тот единственный раз, что пытался, я отвернулась, парализованная ужасом от наблюдения страшного лица.

– Альтарея! – вновь пискнул Эндо, а я завозилась, выворачиваясь из тесных объятий и требовательных поцелуев. Волна стыда заставила прилить кровь к щекам. Я уже настолько смирилась с образом одинокой матери, что совсем не предполагала свою готовность к подобным реакциям, а уж тем более – к навязчивым фантазиям по поводу отца моего ребенка. Быть может, психологическое напряжение и изменившийся гормональный фон оказали не лучшее влияние на мои интеллектуальные способности и самоконтроль. Правда была в том, что я хотела спокойно провести вечер, но внешние обстоятельства выявили во женщину, желающую сблизиться с мужчиной. Борясь с собой, я толкнула апхокетольца.

– Убери его!! – раздраженно рявкнул Акрес в сторону робота, связывая мое поведение с ним.

– Эндо... – мне захотелось выскочить за дверь и нестись наутек, забыв обо всем, что произошло, но странное смущение перед роботом заставило остановиться. – Подожди немного, я скоро буду.

Я повернулась к мужчине, чувствуя необходимость объясниться.

– Акрес, нет. – Я, наконец, смогла выговорить это и помотала головой. – Я не хочу.

– Что? – он непонимающе поднял брови.

– Нет. Прости.

– Алаяя... – выдохнул мужчина, отстранившись и прислоняясь лбом к поверхности за моей спиной. – Ну, почему? Я же вижу, ты отвечаешь.

– Мне сложно объяснить... – я замаялась. – Просто это не то, что мне нужно.

– Да?! – он саркастически улыбнулся, протягивая руку к моему подолу, но я увернулась. – Скажи, что ты хочешь еще? Что?! Подарок? У тебя давно не было новой одежды...

На миг отчего-то стало жаль сильного человека, с какой-то беспомощностью ссутулившегося около стены. Воздух между нами стал липким и терпким от возбуждения, но в этом безумии я начинала терять себя. Где были мои собственные чувства, я не знала. Они растерялись, как брызги живой жидкости, смытые напором мощного желания Акреса.

– Акрес, я бы не хотела тебя расстраивать, но...

Я не успела договорить, как мужчина резко повернулся, глядя на меня с ожесточением.

– Решай сейчас, – выплюнул он слова. Акрес был сильно возбужден, его тело подрагивало, раздраженное моим сопротивлением. – Будущее – в твоих руках. Я повторять не буду.

– Но... ты обещал дать время, – единственное, что мне хотелось, оттянуть момент. Мне надо было побыть одной, чтобы осознать все происходящие в моей жизни изменения.

– Когда?! – резко выдохнул он мне в лицо. – Когда твой живот будет весить как десять лацерсов?! Ты хочешь выставить меня посмешищем!

– Акрес, ты мне нравишься, но...

– Но, но! Сплошные "но"! Ты не выплывешь, Альтарея. – Твердо произнес Акрес, нависая надо мной. – Подумай о том, кто сейчас находится у тебя под сердцем. Какую жизнь бы предпочел твой ребенок. Нищету и выживание либо каждый день иметь сытный обед и быть под защитой.

Последние слова окончательно смутили меня. Акрес знал, как задеть мои чувства. Действительно, не слишком ли много значения я придаю моим личным желаниям? Как мать я должна думать прежде всего об интересах ребенка. Акрес, без сомнения, самый подходящий из всех, кто меня окружает на Апхокетолле. Да о нем, наверняка, мечтает любая девица на выданье! Хорош собой, обеспечен, страстен, да еще и готов принять моего ребенка! Разве это не тот знак, что посылает Вселенная, пытаясь спасти меня от волн отчаяния и грусти в связи с бесперспективностью жизни на отсталой планете?!

– Ты должна принять правильное решение, – мужчина вновь обхватил мою талию, притягивая к себе. – Ты привыкнешь. Я не буду больше предлагать, – вновь поторопил меня.

Я закусила губу, стараясь унять хоровод противоречивых мыслей. Стоило ли соглашаться, несмотря на внутренние противоречия? Если объединить усилия Эндо и возможности Акреса, быть может, нам удастся скопить денег и контрабандными путями выбраться с планеты? Если я буду одна, возможностей будет гораздо меньше. Тем более, со мной не только ребенок, но еще и Фил.

Фил!!!

Острая мысль прорезала сознание, заставляя сердце болезненно зайтись. Как же я раньше не догадалась, с чем связано не покидавшее меня до сих пор тревожное предчувствие? В зале я старалась избежать гнетущего ощущения, но так и не смогла. Дело в том, что, находясь все время рядом с Филом, я привыкла чувствовать его в поле своих эмоций и сразу улавливать настроение мальчишки, и даже когда я отлучалась, он словно незримо присутствовал рядом. Но сейчас все изменилось. Его не было. Поэтому движение людей в зале мне казалось каким-то неверным, неправильным. Ведь я ожидала здесь увидеть подростка.

– Мне нужно найти Фила! – выпалила я.

– Ты думаешь не о том! – вновь стал гневаться мужчина.

– Его нигде нет! – воскликнула я, окончательно отталкивая Акреса. – Он пропал!

Я метнулась к двери и выскочила в пространство бара, все так же расцвеченное бликами огней. Люди в масках быстро двигались в такт быстрого ритма, настраивающего на решительные и откровенные действия. Мимолетом заметила несколько целующих пар. Эндо тут же метнулся ко мне, глядя одним перекошенным глазом.

– Я упал! – провозгласил робот, отменно умеющий летать. – А ты?

– Я... – я замялась. Станный вопрос, удивительно уместно подошедший для моего состояния. Упала ли я? По крайней мере отчего-то было стыдно от горящих по всему телу следов прикосновений, поэтому я поспешила перевести тему. – Эндо, я не вижу Фила!

Я метнулась в центр движущейся толпы, глазами выискивая фигуру подростка. И если других людей в масках я не могла опознать, Фила бы увидела сразу. Но среди быстро движущихся мужчин и женщин его не было. Как и не было ощущения его присутствия. Я растерянно замерла. Быть может, я его не заметила и мальчик успел вернуться домой?

– Надо в дом, Эндо! Срочно! Потом расскажешь про свои приключения! – расталкивая стоящих на пути людей, я бросилась прочь из бара. Ночь встретила нас приятной прохладой и россыпью звезд, беззвучно напоминающих о далеких путешествиях. Придерживая платье, я понеслась к дому Терезии, глотая воздух ртом и стараясь не обращать внимание на горящие легкие.

Уже через несколько минут я открыла дверь и очутилась в успокаивающей темноте спящего дома. Мелькнула мысль, может, я зря беспокоюсь и Фил давно спит. Вон и сопение Терезии разлетается по всему дому. Ничего не случилось... Нет.

Я перевела дух и осторожно спустилась вниз в нашу общую, разделенную перегородкой, комнату. Знакомая обстановка встретила меня ночным умиротворением, но кровать Фила была пуста. Сердце болезненно сжалось.

Ноги проскальзывали, когда я упорно лезла вверх на преграждающий мой путь невысокий холм. Подъем был достаточно крутым, а земля успела просохнуть после дождей, поэтому при каждом отчаянном шаге поднималось маленькое облачко пыли, еле заметное в предрасветных сумерках. Жесткие камни кололи ноги сквозь тонкую подошву тканевых туфель, но я на это давно перестала обращать внимание. Серая юбка взметнулась вверх при очередном порыве ветра, возвещающем, что я близко к вершине холма.

– Глупый мальчишка! – не уставала повторять я. – Удумал! Даже не посоветовался!

– Эхолор скоро! – жужжал над ухом Эндо, нервирова меня еще больше. – Тебе следовало вернуться домой ранее! Между вами происходит соревнование, кто больше не способен прогнозировать отрицательные последствия своих действий!

– Соревнование по глупости ты имеешь в виду?! – усмехнулась я и победно выпрямилась на вершине холма, обозревая раскинувшуюся внизу безжизненную долину, усеянную разве что растолстевшими лацерсами. – Это ты прав... Сама не возьму в толк, как же я раньше не догадалась о намерениях Фила.

С сожалением констатировала, что и в этой долине мальчика нигде нет. Видно было не очень хорошо, приходилось присматриваться к черным очертаниям скал. Зато у Эндо зрение отменное, и по его молчанию я понимала – пусто. Необходимо двигаться дальше.

Я была сердита на себя, и на Фила, и даже на Эндо, который увлекся играми с апхотельцами и в горячке охоты за перекатывающимся по полу вместо мяча лацерсом повредил себе глаз, теперь криво наклоненный в сторону. Но пуще этого я боялась, до оторопи сжимаясь внутри, того, в какую передрыгу мог угодить мальчик, если я его не найду. Сейчас я особенно чувствовала, насколько я полюбила Фила. Он был моим, родным, и ничьим больше. Стоило мне представить нависшую над ним угрозу и внутри начинало колотить с такой силой, что приходилось дышать всей грудью, чтобы вернуть трезвость ума. Я не могла потерять мальчика и старалась заглушить парализующую тревогу руганью.

– Бестолочь! Ашер съел все мозги! – смачно выговорила я и двинулась вниз в долину. Я знала, вслед за спуском меня ждет новый изнурительный подъем. Любая движущаяся техника в этом забытом уголке Вселенной была чем-то сродни фантастическому аппарату, поэтому апхокетольцы передвигались исключительно на своих двоих.

О том, что задумал Фил, я догадалась быстро, как только увидела раскрытую на столе книгу со стадиями развития лацерсов. Когда, как не в период дождей, эти чудные растения начинали цвести. Так думала и мать Фила, преуменьшив реальную опасность подобных поисков. Я должна была сразу сообразить, что мальчик пойдет по ее стопам, намереваясь завершить начатое. Не зря он расспрашивал меня, сможем ли мы бежать с планеты вместе. Он уже тогда задумал найти пресловутый цветок лацерса, о котором ходило так много легенд. Жаль, что ребенок так и не смог понять, что это всего лишь выдумки и если бы была реальная возможность так просто покинуть Апхокетоль, этим бы пользовались многие.

Я вздохнула, переводя дух. Сама хороша!.. Нечего было показывать перед мальчиком свои истинные переживания, грусть и тоску о прошлом. Дети живут, глядя на мир сквозь призму наших эмоций, а мы очень сблизилась с Филом в последнее время. Он просто не рассказывал мне, как его на самом деле угнетало мое состояние.

– Фи-и-ил! – громко крикнула я в долину. Быть может, мальчик услышит нас и даст о себе знать.

– Без тебя я двигался бы быстрее! – капнул на большую мозоль Эндо, а я непроизвольно ускорила шаги.

– Я лучше чувствую, чем ты! – возразила я. – Но тебе не мешает сделать очередной облет! Проверь смежные долины.

– Эхолор скоро! – напомнил робот, чем в очередной раз разозлил меня.

– Лети! – рявкнула я. – Я знаю о твоих способностях. Ты спасешь меня.

Ничего не ответив, Эндо поднялся на высоту и улетел вперед. Чувство отчаяния стало подкрадываться откуда-то изнутри. Я знала, Фил рядом. Ощущение, что мы идем верной дорогой, сопровождало всему пути. Нужно было время, чтобы найти мальчика, но времени как раз не было. Быть может, стоило и впрямь отпустить Эндо одного, не привязывая его к себе? Но Эндо мог улететь в любую сторону, в то время как мой внутренний компас указывал путь. Между нами с Филом установилась незримая связь. Я и сейчас чувствовала, что надо брать

левее, когда на доли секунды энтузиазм мальчика взорвался яркими вспышками внутри, подсказывая направление. Я явно ощущала – подросток вдохновлен поисками, не замечая происходящих в пространстве перемен.

«И чем руководствуется этот несмышлениш? Неужели он и впрямь думает избежать эхолора?»

Я огляделась по сторонам. Стало заметно, что рельеф местности изменился, вырисовывая вместо пологих холмов острые очертания скал и ущелий. Мы приближались к месту образования эхолора – проклятия затерянной планеты, не позволяющего цивилизации развиваться. Но что если...

Я внимательно вгляделась в формы горной породы впереди. Действительно, слева намечалось скальное углубление, возможно, пещера. Если это так, то, быть может, эхолор не так страшен и от него можно укрыться? Я смело двинулась проверять свое предположение. Что, если Фил рассчитывает на помощь пещер? И почему здесь никто не прятался раньше? Или мы этого не знаем?

С этими мыслями я быстро пересекла плато и ступила под каменный навес, плавной дугой изгибающийся над темным, уходящим в глубину пространством. Внутри я заметила свисающие сталактиты. Интересно, какова доля содержания карцевитов в скальной породе? Сделала несколько шагов вперед по идеально ровной поверхности.

– Альтарея-я-я!!! Назад! – тонкий голос Эндо застиг меня врасплох. Я обернулась и увидела несущийся с неба, поблескивающий в слабом предрассветном освещении, шар.

– Иди, иди, не стой! – запищал друг. Но было поздно. Я застыла на месте на несколько мгновений и не сразу сообразила, что происходит. Я почувствовала странное давление в районе ступней и быстро перевела взгляд вниз.

– Ньютоновская жидкость! – воскликнула я, запоздало понимая, что означал крик Эндо. Пока я наступала на землю в районе пещеры, она казалась твердой. Но стоило мне остановиться, как коварство этого места дало о себе знать и мои ноги тут же стали погружаться под землю, обтекаемые плотной поверхностью. Так вот почему это место мне показалось таким ровным!!! Здесь не земля, здесь уникальная по свойствам твердая жидкость! Я с ужасом посмотрела на заключенные в плен ступни.

– Эндо!.. – беспомощно воскликнула подлетевшему шару.

– Аля!!! – так же тревожно ответил он и протянул мне серебристое щупальце, моментально выстроившееся из чешуек его округлого тела. – Держись!

Однако сколько мы не старались, вытащить две ноги одновременно не получалось. Шар был слишком мал и его силы не хватало сдвинуть мое тело. Мне же удавалось освободить лишь одну ногу, в то время как вторая погружалась еще глубже.

– Ашер! – выругалась я, ощущая бессилие. Теперь мне понятно, почему никто не рискует пережить эхолор в пещерах. По всей видимости, здесь скапливается вода после дождей и земля меняет свои свойства, начиная поглощать не только мелкие камни, но и довольно крупные предметы. Размякнув, она превращается в тесто, твердеющее при ударах и растекающееся, стоит лишь дать ему немного времени. – Что делать?!

– Ложись! – скомандовал Эндо, распластав щупальце по земле. – Покатившись, ты уменьшишь давление.

На сей раз я не стала обдумывать слова приятеля и быстро приземлилась на протянутую, состоящую из гибких микро-рассеивателей, конечность. Действительно, уменьшив вес опоры, мне удалось достать обе ноги.

– Теперь ты точно будешь меня слушать! – довольно резюмировал робот. – Не останавливайся!

– Только если ты перестанешь быть занудой! – ответила я, перекатываясь по земле и стараясь не замирать, дабы не дать земле шанса вновь схватить меня. Буквально через пару

метров характер почвы вновь изменился и я смогла встать на ноги. Наклонилась и с силой потянула шар на себя, вытаскивая застрявшее щупальце.

С опаской отошла подальше и присела на землю, успокаивая сердцебиение. Вдохнула ночной прохладный воздух с примесью глинистой пыли. Посмотрела на свои голые ноги – мои простые туфли так и остались в земле, поглощенные Апхокетолем.

– Ну и ну.

– В целом, явление потери интеллектуальных возможностей во время гормональной перестройки беременной особи, стоит считать нормальным, – прокомментировал робот, пристроившись рядом.

– Что?! – вытаращила я глаза, немея от подобной наглости. В такие минуты мне всегда хотелось напомнить Эндо, что он всего лишь машина. Только я открыла рот, чтобы произнести что-нибудь обидное, как болезненная мысль про Фила заставила меня подскочить на ноги. Мальчишка ничего не знает о нависших над ним опасностях! – Бежим! Фил рядом, я чувствую!

С ловкостью растолстевшей лани, стараясь не думать о болезненных уколах в ступнях, я полезла на новый холм, ограждающий очередную долину – метеоритный кратер, как и все остальные. С его вершины открылся прекрасный вид на желтеющее у основания небо, резкие пики на горизонте и... бегущую в нашу сторону фигуру внизу. Фил задирает голову, ища кого-то глазами, будучи привлечен, вероятно, нашими криками.

– Фи-и-ил! – не смогла я скрыть счастливого возгласа.

– Аля-я-я! – донеслось мне в ответ. – Что ты тут...

За горами послышался нарастающий гул. Я знала, что это означает. Пройдет не более минуты, как эхолор поглотит все вокруг резко и решительно.

– Нет!... – воскликнула я, бросаясь вниз. – Надо успеть, надо успеть...

Я бежала быстро, не обращая внимание на ранящие камни, кое-где падая и скользя вниз. Эндо незаметно поддерживал меня, страхуя от слишком сильных падений.

– Лети к Филу! – рывкнула я, почти не соображая, но непослушный робот остался со мной.

– Аля, скорее! Тут пещера! – закричал мальчишка, а я в очередной раз чертыхнулась. Я была уже совсем рядом, Фил бежал навстречу и протягивал руку.

– Нельзя туда! – заорала я, скатываясь вниз и придерживая живот. Кто знает, насколько размякла земля в очередной пещере и как быстро поглотит ненароком оказавшееся на ней тело.

Буквально через несколько секунд я заключила мальчика в тесные объятия, дрожа всем телом от переполнявших меня переживаний: накрывающего волнами счастья, дрожащего зыбкого страха и быющей словно в порывах ветра надежды.

– Фил! – выдохнула я со сбившимся дыханием, легкие горели от быстрого бега. – Ты жив!...

– Скоро будет нет! – закричал мальчишка, дергаясь в сторону. – Бежим в пещеру!

– Это ловушка! – остановила я его уверенно. – Просто держи меня... Крепко.

– Аля, я...

Я не дала ему договорить и буквально вдавила Фила в себя, сильно обхватив его спину руками. Красные лучи восходящего солнца рассекли пространство, подсвечивая редкие облака пурпурным сиянием. Небо взорвалось громом и надвигающейся на нас тучей из мелких, шумных, хаотично движущихся каменистых осколков. Ветер задул резко, стремясь бросить нас вниз. В этом шуме мы почти не заметили, как Эндо распластался множеством щупалец и пришел в быстрое движение, образуя своеобразный зонт-купол над нами. Я знала, что робот применит этот трюк, однажды показанный им во время утешения норканна.

И все же я немного опасалась. Зря. Эндо никогда не пустил бы меня, зная, что моей жизни угрожает реальная опасность. Острые камни неба громко стучали о движущиеся части робота и резко отскакивали прочь, словно в ярости, что не могут настичь свою цель. Неровными дви-

жениями они летели в разные стороны, падали на землю и рикошетом били нас по ногам. Но все это было не важно по сравнению с тем, что мы смогли найти друг друга. Мне не хотелось думать, чем бы закончилось приключение Фила, если бы я и Эндо не отправились следом.

Облегчение накатило внезапно, показывая усталость тела и души, норовящую выплеснуться из меня бурной рекой. Я заплакала, слезы произвольным потоком хлынули из моих глаз, горячими каплями падая на кучерявую голову Фила. Он поднял лицо и посмотрел мне в глаза так, как могут смотреть лишь самые близкие люди.

– Ты глупый, Фил, – не удержалась я от нотации, перебивая громкий гул вокруг. – Мы искали тебя.

– Я думал, у меня получится спастись, – простодушно ответил мальчик. Я видела, что он так и не осознал всей реальной угрозы, нависшей над ним. Он думал, что укроется в пещере, но вдруг встретился со мной. Он даже не размышлял о смерти. Фил улыбнулся мне искреннее и открыто, словно все было как и должно быть.

– Не все так просто, Фил. Все бы прятались в пещерах, будь это возможным, – покачала я головой и перевела взгляд на посветлевшее небо.

– А это красиво! – подтвердил мои мысли мальчик.

Пронзая пространство красными молниями, с неба на нас сыпался необычный дождь. Маленькие камни, словно багряные огоньки, отражающие проснувшееся солнце, раскрашивали долину яркими переливами оранжевых, красных и лиловых оттенков, закручивались в вихри и обрушивались каменными каплями вниз, шумно, убийственно и... безумно прекрасно. Красный дождь. Завораживающий и разрушительный. Такой, как и планета, породившая его.

Накопившееся напряжение прорвалось неожиданным смехом.

– Эхолор! – закричала я в голос, хохоча. – Мы победили тебя!

– Эхолор, эхолор! – засмеялся Фил. – Мы спаслись!

Так мы и стояли, громко выкрикивая имя явления, погубившего цивилизацию Апхокетоя. Трудяга Эндо крутился с такой скоростью, что не оставлял и шанса малейшему камню пробраться внутрь к нам. У робота все под контролем, конечно... Эхолор длился не долго и чуть более чем через четверть часа мы остались на холодной земле, усеянной мелкими камнями. Скоро их поглотит подвижная земля. Робот медленно остановился, опускаясь вниз. Фил сделал шаг в сторону, победно глядя по сторонам.

– Обожаю тебя, Фил! – улыбнулась я и тут же нахмурилась. – Но нам предстоит серьезный разговор.

– Спасибо, что спасла меня! – зеленые глаза смотрели чисто и приветливо.

– Я думала, что сойду с ума... – посетовала я.

– Почему? – наивно поинтересовался подросток.

– Ты очень дорог мне, – сказала я очевидную вещь и двинулась в сторону дома. Пусть остальное додумывает сам.

– Я его нашел! Смотри! – догнал меня возглас и я обернулась. Фил достал что-то из-за пазухи. – Теперь мы сможем улететь!

На нас взирал маленький потрепанный лацерс, в самом центре которого горделиво крепилась тощая стрела с крохотным и колючим, словно побитый жизнью репей, цветком. Секрет Апхокетоя выглядел... неказисто.

– Велико достояние! – не выдержала я и рассмеялась, а Фил обиженно надулся.

– Его сложно было найти...

– Знаю, ты старался, – сказала я серьезно. – Но иногда цена стараний не соответствует результату.

Мальчик задумался и мы продолжили путь в тишине. Вскоре Фил отдал мне свою обувь, так как идти голыми ступнями мне стало совсем тяжело. Эндо парил низко и практически не

болтал, было видно, что он серьезно разряжен. Так наша странная процессия медленно брела около двух часов, когда впереди показались знакомые очертания поселения. Я смотрела под ноги на рассыпанные по всей земле мелкие осколки. Носки Фила стерлись окончательно, но мальчик, казалось, не обращал на это внимания. Я не сразу ощутила, что в пространстве что-то поменялось.

– Аля! Альтаря! – сильно закричал Фил, а я вздрогнула от его тревожного возгласа. – Смотри, смотри!..

Я непонимающе огляделась по сторонам, а потом подняла глаза вверх и ахнула. По всему небу, не хуже эхолора застыли черными хищными фигурами сотни истребителей, выжидающе взирая на планету. Они равномерно рассредоточились везде и, казалось, готовы были в следующую секунду ринуться на поселение, которое вовсе не обладало оружием.

Глава 6

Ноги понесли сами собой, а грудь внезапно наполнилась кислородом, как топливом, приводящим в действие спящую машину. Я бежала быстро, не помня себя и не разбирая препятствий под ногами, не обращая внимание на то, что Фил и Эндо безнадежно отстали. Еще издали стало понятно, что в городе царит нетипичное оживление. Везде сновали люди, одетые кто кое-как, кто с маскарада, утреннюю тишину пронзали резкие крики военных и вопли испуганных женщин, слышался детский плач и едкая мужская ругань.

С вершины последнего холма я видела, как черные точки небольшими группами плавно растекаются по городу, словно крупички ядовитого жидкого металла, случайно разлитого на мирное поселение. Солдаты-дальтерийцы в типичных защитных костюмах, одетые в прочную броню в мирное время, быстро формировали оцепление по периметру, и рассеивались вдоль домов, хватая ничего не понимающих жителей, выскакивающих на улицу в чем было, волокли их куда-то несмотря на протестующие крики, заламывая сопротивляющимся руки. Картина привела меня в ужас и не оставила секунд на размышление. На противоположной стороне городка, позади жилых домов, на ярмарочном плато я заметила приземлившийся аюстер, жадно распластавший крылья на всю площадь, предназначенную для рыночной торговли. И так напомнивший мне тот, знакомый... Я смело ринулась в город.

Сердце заныло в неясном ожидании, когда передо мной возникли два солдата, караулившие подход к поселению. Однако, мазнув по мне изучающим взглядом, мужчины не обронили ни слова и не остановили меня, давая возможность продолжить движение. Мое невзрачное серое платье и обилие грязи от непростого путешествия, создававшие изрядно потрепанный вид, никак не привлекли их внимание.

Я сделала несколько шагов вперед и обернулась – черные истуканы с полупрозрачными шлемами на головах так и остались стоять, не шевелясь. Робко пошла прямо, наблюдая, как несколько дальтерийцев, используя импульсные мечи, выламывают дверь зажиточного дома на краю поселения, и забегают внутрь под возмущенные крики владельцев. Один из солдат внезапно задержал взгляд на мне, сверкнув глазами сквозь защитное стекло, но тотчас быстро скрылся внутри. Странная горечь едкой каплей скользнула по сердцу, оставляя странные разводы. Мне стоило радоваться своей непричастности, но что-то заставляло меня злиться на происходящее. Я ошиблась в своих ожиданиях, напридумывала небылиц, как всегда...

Дом Терезии встретил меня настежь распахнутой дверью, и я с тревогой ступила внутрь. Старая женщина бросилась мне навстречу со слезами на глазах.

– Алия! Наконец, ты вернулась! Тут такое... – скорее всего, Терезия полагала, что я задержалась на празднике урожая. Если бы она узнала, где мы с Филом были на самом деле, могла бы не пережить потрясения. – Как хорошо, что ты этого не видела!..

– Что случилось?! – воскликнула я и сделала шаг внутрь дома, потрясенно наблюдая перевернутые предметы вокруг: раскиданные в беспорядке стулья, словно огромная сила в ярости разметала их и свисающее со всех поверхностей стираное белье. Перевернутый чан для варки сиротливо валялся на карцезитном столе, и вовсе сломанном. Старая женщина дрожала всем телом, утирая выступившие слезы.

– Беда, беда! – только и повторяла она, прижимая сухую руку к морщинистым губам.

– Терезия!.. – я попыталась успокоить ее, схватив за плечи.

– Снова они! – воскликнула старушка, немного придя в себя. – Черные дьяволы вернулись, а значит, будет беда!

– Успокойся! – не выдержала я, отодвигаясь. – Что они искали?

– Опять Апхокетоль в немилости! Они злятся на нас, здесь скрывается беглец! Беглянка!

– Да?.. – переспросила я, чувствуя, как сердце делает кульбит.

– Где ж это видано? С белыми волосами! Да сроду на Апхокетоле ни у кого белых волос не было! – с жаром воскликнула Терезия.

Я непроизвольно потянулась к своим обрезанным розовым прядям, а взгляд женщины внезапно остекленел.

– Старая моя голова! – она прикрыла рот рукой от внезапного прозрения. – Совсем не соображает... И хорошо, хорошо это... – она прикоснулась ладонями к моему лицу, трогая мои щеки шероховатыми пальцами и шамкая губами. – Мы тебя спрячем, милая!.. Акрес поможет, он способен... у него есть подземные хранилища...

Она быстро заходила по комнате, шаркая и взмахивая руками. Терезия, как всегда, была встревожена и я ощутила внезапный порыв нежности к ней. Тепла и того золотистого медового чувства благодарности, одобренного шепоткой грусти, которое предвещает скорое расставание. Мне всегда везло на людей, заменяющих родных родителей. Терезия, пусть и не надолго, но превратилась для меня в фигуру, больше всего напоминающую мать. Я не могу назвать иначе ее шепетильного опекающего отношения ко мне.

– Терезия! – прошептала я, делая несколько шагов и прижимая тщедушное тело пожилой женщины к себе. Я вдохнула аромат мыла, исходящий от седых с фиолетовым отливом волос, и застыла на несколько мгновений. Мне хотелось заполнить его и не терять никогда. Я знала, этот запах будет тем путеводным звеном, внутренней опорой, вспомнив о которой, я всегда смогу принять верное решение. Старушка, до седых волос борющаяся за свое существование и не потерявшая веры в людей, сохранившая оптимизм и благие цели, что, как не это, способно вывести из уныния и направить на нужный путь?..

– Терезия... Не нужно ничего. Все хорошо, – прошептала я тепло и отстранилась. – Мне пора...

Не оставляя себе пути для отступления, я быстро выскочила за дверь. Я бежала сквозь поселок, ухватывая глазами блестящие от проснувшегося солнца плоские крыши, огибая мечущихся в панике жителей и решительных солдат, выполняющих точное указание, но так ни разу не остановивших меня. Бежала в который раз за последние сутки. Я отталкивала Акреса, умирая от страха за Филя, спорила с неугомонным Эндо и старалась победить эхолор, я надеялась и ожидала перемен, я видела величие природы в виде красного каменного дождя и ощущала трепетную любовь к тем людям, которые так внезапно появились в моей жизни...

Мои ноги делали широкие шаги, я открыла рот, ловя сухой пустынный воздух, в котором вдруг появилось забытое слово, – свобода. Я оправдывала свое движение тем, что необходимо срочно остановить хаос, творившийся на Апхокетоле. Я знала, мне хочется солгать самой себе. Я не ведала, что ждет меня впереди, но в моей душе порывистым движением разрастался белый цветок, расправляя тонкие нежные лепестки, наполняя мои внутренности волнующим ароматом, прорывая сухую корку, которой успело покрыться сердце. Сил думать иначе не осталось... На кону стояло все, но разве мне было нужно другое? Смогла ли бы я ценить ту жизнь, что мне уготовил негостеприимный Апхокетоль? Я вновь осадилась себя. Планета тут не причем... Я просто ждала иного.

На несколько мгновений я замерла перед рыночной площадью, в дальней части которой кривым хищным полукругом застыл огромный аюстер, взбредивший своим приземлением почву Апхокетоя. По всей длине корабля серебристой чешуей светились импульсные отражатели, выдавая военный характер судна. Но не на это я смотрела. Мое внимание всецело и безвозвратно привлекла одинокая фигура, неподвижно замершая на трапе возле открытого выхода. Он стоял ко мне боком, не шевелясь, лишь пустынный ветер, слабое напоминание эхолора, приводил в движение широкую ткань, окутывающую его крепкую фигуру. Нечто неумолимо изменилось в его облике, профиль маски приобрел еще более хищное выражение, но я ни на мгновение не усомнилась, кого вижу перед собой.

И еще... слабый укол горечи, как будто что-то безвозвратно разрушилось в человеке, которого я понимала так плохо, но так неистово хотела познать. Я сделала шаг вперед. Хорошо, что я заметила его первая, это дало мне мгновения собрать расплескавшиеся чувства и уgomонить тело, заставляя его двигаться спокойно. Шаг, еще один. До того момента, как он внезапно не повернул голову в мою сторону. Он схватил меня взглядом моментально и целиком, это было понятно даже на том большом расстоянии, что нас разделяло. Как и в первый раз, на Катарии, когда хищник заприметил жертву и больше не выпускал ее из виду. Сейчас наши роли поменялись... Или мне так только казалось?

Жаркое пламя моментально вспыхнуло в моей груди, а Зэлдар дернулся и сделал встречное движение, в котором распознавалось нечто ломаное, искривленное, словно у стрелянного абакеана, что от неожиданности я остановилась.

Он тоже замер. И вот тут мои ноги снова ожили, словно подталкиваемые внезапно выросшими крыльями за спиной. Я бросилась вперед, краем глаз замечая, как взвились вверх и мгновенно опустились лазерные мечи солдат, окружавших подступы к кораблю. Зэлдар не сказал ни слова, его личное окружение хорошо знало его реакции. Удивительно, как они понимали предводителя без слов.

Еще несколько шагов по обманчиво твердой земле навстречу тому, что может обернуться полной катастрофой. Или уже обернулось... Обернулось еще тогда, когда я решила подышать морозным воздухом Катарии, и не прекращалось ни на миг.

Мы встретились около трапа в тишине, моментально сковавшей воздух вокруг нас. Чувство робости наполнило меня до краев. Вся смелость, с которой я бежала сюда, схлынула внезапно, обнажая старые страхи. Новая встреча, новое столкновение, все, словно в первый раз. Что ждать от человека, проявившего себя так непредсказуемо? Не слишком ли я была самонадеянна в своих ожиданиях, не глупы ли до безумия мои надежды?.. Могло ли за это время что-то измениться не только во мне?

Я беспокойно вцепилась пальцами в простую ткань платья и, стараясь унять волнение, подняла глаза. Скользнула взглядом по острым краям маски и остановилась там, где прорези открывали мир, навязчиво являвшийся мне во снах. Словно сухая земля Апхокетоя отражалась в нем, такая же одинокая, беспристрастная и хранящая целый ворох опасных секретов.

Еще мгновение и я ощутила, как падаю в желтую пустыню цепких глаз, глубокую, вязкую, притягивающую сильнее магнита, затаскивающую на дно, как живая земля наказанной планеты. В глубине души я уже понимала, из этих зыбучих песков мне не выбраться. Я растворялась в них, поглощенная янтарным светом, натываясь на темные вкрапления, я словно шагала по ним, как по камням, как по дороге, спиралью ведущей к черному пульсирующему зрачку. Я уносилась в него, словно в бездну бескрайнего космоса, притягательного и безжалостного одновременно... Я растворялась, не понимая до конца, что со мной происходит.

Он поднял руку, разрушая мое оцепенение. Я встрепелась, пытаюсь ощутить, что все еще стою на земле, мою грудь наполняет сухой пустынный воздух, а человек напротив, кажется, не имеет агрессивных намерений. Рука в тонких каеновых перчатках медленно взметнулась вверх и прикоснулась к кончикам моих развевающихся прядей, едва достающих до плеч. Она так и застыла, как и невысказанный вопрос в его взгляде, угаданный мною по сощурившимся на секунду векам.

Несколько мгновений он разглядывал мое лицо, все также подставляя ладонь играющим ветром волосам. А потом... его глаза медленно поползли вниз, словно изучая, и мне внезапно стало стыдно за свой непрезентабельный вид, мешковатое пыльное платье, следы грязи на теле, обстриженные растрепанные волосы, я сцепила руки в замок и закусил губу. Взгляд дальтерийца опустился на грудь и ниже, остановившись в районе моего слегка выступающего живота. Я не выдержала и резко вдохнула воздух, с замиранием ожидая реакции Зэлдара на новость об отцовстве, но ее не последовало. Он просто смотрел, спокойно, изучающе, невозможно,

размышляя о чем-то своем. Он знает, запоздало поняла я. Он все узнал и теперь я никогда не увижу его первой спонтанной эмоции. Он уже принял для себя этот факт и нам нужно будет договариваться...

Взгляд внезапно опустился еще ниже на мои обнаженные голени, сплошь покрытые царапинами и синяками после пережитого эхолора. Желтые глаза резко замерли и воздух между нами сразу потяжелел, наполняясь свинцовыми, темными волнами, мрачными вихрями расползающимися в стороны. Маленькие искорки незримо заиграли в пространстве, грозя превратиться в смертоносную молнию. Я почти физически ощутила моментально произошедшие с Зэлдаром перемены. Он нахмурился, сведя густые брови, а его изменившееся вмиг настроение не предвещало ничего хорошего.

– Планета не очень дружелюбна, – слова сорвались с моих губ непроизвольно. Наверное, это было не лучшее начало разговора, но что-то внутри меня хотело пояснить, как-то ответить на нарастающее напряжение его взгляда. – Эхолор... не позволяет развиваться наказанной цивилизации. Ветер с камнями...

Зэлдар молчал, но его глаза вновь вернулись к моему лицу, изучающе скользили по нему, словно стараясь найти ответы на невысказанные вопросы. Я набралась решимости и выдохнула:

– Убери наказание с Апхокетоя...

Я смотрела в желтые зрачки, но так и не могла понять, о чем размышляет человек, полностью переменивший мою жизнь, когда пленение моего тела привело к точно такому же порабощению души. Искрящее молчание между нами с каждой секундой будто все больше оголяло меня, снимая слои защитной брони, делая меня все более уязвимой. И правда, разве я могла что-то требовать, о чем-то просить человека, который одним движением головы решал судьбы народов, подчиняясь исключительно своей, никому не подвластной логике. У него было много силы, пожалуй, слишком много. Я же была никем, ошибкой судьбы рядом с ним. Через несколько напряженных секунд я добавила единственное, что могла предложить:

– Тогда будет так... Так, как ты захочешь. С нами.

Наверное мои тихие слова прозвучали нелепо, или даже смешно, учитывая, что Верховодитель Дальтерии и так мог сделать все, что ему заблагорассудится, но он неожиданно кивнул. И это небольшое движение с его стороны привело к тому, что с моей души внезапно свалился камень, который, как оказалось, все это время громоздился неподъемным грузом. Облегчение нахлынуло так внезапно, что мир поплыл и стал казаться чем-то нереальным, сказочным. Мы стояли друг напротив друг друга, словно и не было этих месяцев разлуки, мы говорили так, словно расстались пару часов назад. Все произошедшее на Апхокетале внезапно стало казаться затянувшейся прогулкой, ошибкой, которая должна была закончиться рано или поздно.

Мои губы непроизвольно растянулись в улыбке, а руки сами собой потянулись вперед и схватили жесткие ладони в черных перчатках, которые неумолимо хотелось снять. Быть может, я окончательно потеряла разум, делая шаг к человеку, который показывал весьма противоречивое отношение ко мне. Но больше я не могла думать, мой разум, одурманенный неожиданным событием и изматывающими приключениями, наконец, заснул, позволяя телу жить своей жизнью. Я качнулась к Зэлдару и между нашими лицами осталось не больше ладони, а дурацкий шлем показался самой лишней деталью в этом мире. Я замерла, ощутив как его ладони в ответ сжали мои.

– Спасибо, что оставила сообщение, – слова пророкотали медленно, с расстановкой, завораживая и вызывая недоумение одновременно. Сердце забилося от вибраций голоса, пробирающихся под кожу. Я словно внезапно получила то, в чем так долго нуждалась.

– У-у?.. – я толком не смогла выговорить возникший вопрос.

– Я искал тебя.

Я до сих пор не вполне понимала, о чем он говорит, но слова приятной дробью отбились в голове. Я искал тебя. Искал... Искал.

Значит ли это, что мои тщательно скрываемые надежды были не такими глупыми? Мне захотелось немедленно узнать ответ на этот вопрос, ответы на все вопросы... Хотелось сделать еще шаг, но было боязно, тень недоверия все еще скользила внутри холодной змеей. Я набрала в грудь воздух, чтобы задать следующий вопрос, но тут мимолетное движение на периферии сознания привлекло мое внимание.

Я резко повернула голову вбок, чтобы увидеть как за оцеплением солдат собралась толпа жителей, с недоумением и интересом наблюдая за нами. Так вот откуда такая звенящая тишина!.. Беспорядки в поселке прекратились и все попросту переместились сюда! Глядя на застывшие на расстоянии знакомые лица, помеченные печатью испуга, любопытства, у кого-то брезгливости, настороженности, я внезапно испытала острый стыд, будто выставила напоказ сугубо личное. Пусть наших слов и не было слышно, но я сама бежала к дальтерийцу, которого все здесь ненавидели, делала шаги навстречу, тянулась к нему, словно предавая землю, которая все же была достаточно гостеприимной ко мне.

Быстрое движение маленькой фигуры перед толпой приковало мой взгляд. Лицо Фила, на котором отразилось потрясение, выглядело слишком бледным. Он застыл, глядя на меня, и даже на большом расстоянии я ощутила, как вокруг мальчика тугим вихрем закручивается ураган разрушительных чувств. Не выдержав напряжения, он резко отвернулся и, прорываясь сквозь плотно стоящих людей, бросился прочь.

– Альтарея... – голос Зэлдара вернул меня на землю, а взгляд недвусмысленно остановился, показывая вход на аюстер, но я уже была ужалена чувством вины перед подростком.

Я дернулась, разрывая контакт с человеком, которого так давно желала увидеть. Пробормотав нечто вроде:

– Мне надо собраться... – я быстрыми шагами пошла в направлении, где скрылся Фил.

Солдаты, отгораживающие толпу, преградили мне дорогу, но внезапно расступились, а я благодарно обернулась. Все-таки, пусть и условно, но этот жест доверия показывал, нечто меняется между нами. Быть может, с малых шагов нам удастся перейти к большему?.. С удивлением поняла, что Зэлдар начал медленное движение в мою сторону. Что ж... наверное, ему не помешает увидеть, как живут наказанные подданные.

Сама я не стала прерывать движение и смело двинулась через освободившийся проход в толпе. Впрочем, чувство неловкости за происходящее все еще не оставило меня, но больше заботили мысли Фила. Через некоторое время я снова зашла в дом ничего не понимающей старушки и, удостоверившись, что Фил здесь, спустилась в нашу комнату. Подросток сидел на кровати, отвернувшись, его согнутая спина и подтянутые колени говорили о том, что мальчик закрылся, не желая принимать происходящее.

– Фил!.. – легонько позвала я и дотронулась худой спины с выступающим гребнем позвоночника. Мальчик вздрогнул. – Я хотела сказать... встреча с тобой многое поменяла в моей жизни. Ты мне очень нужен.

– Плевать! – он резко дернулся, сбрасывая мою руку. – Ты все равно уйдешь.

– Но...

– Уйдешь! Ведь так? Скажи! Уйдешь как она! – зеленые глаза горели злостью.

– Кто?

– Мать...

– Фил, твоя мама вовсе не хотела оставлять тебя. Наоборот. – Мое сердце сжалось от грусти за боль мальчика, которая никуда не делась за все эти годы. – Просто так сложилась судьба... что тебе приходится быть самостоятельным, раньше чем обычно. Это сложно, но... в тебе есть достаточно силы. Ты справишься.

Ответом мне был грустный смех.

– Вот именно. Справлюсь. Иди. Я справлюсь без тебя.

– Фил!.. Ты не понимаешь... – я извернулась и все-таки притянула поджарое тело к себе. – Я вовсе не хочу расставаться с тобой. Но люди, взрослые люди, так бывает, что когда образуется новая жизнь... – я слегка запуталась в словах, в той форме, в которой я хотела донести свои мысли до Фила.

– Я понимаю, Аля, – он мельком глянул на меня, – у тебя будет ребенок, у вас. Твой собственный ребенок. Мне не стоило...

– Нет! – с жаром воскликнула я, перебивая речь мальчика. – Я никуда не уйду от тебя. Но мне нужно время. Время чтобы понять, где мое собственное место в этой жизни. Я запуталась... – наконец, призналась я.

– Почему? – наивно поинтересовался мальчик. И правда, почему, подумалось мне. Почему я все время стараюсь обнаружить скрытые за маской мысли и не веду себя так, как мне хочется на самом деле? Я построила вокруг себя громадные замки, не воздушные, не песочные, а из мрачного серого камня, и сама замуровала себя в них.

– Просто... – начала я, понимая, что ничего простым не будет. – Между взрослыми людьми иногда бывает не все понятно. Сложно. Иногда мы ведем себя не так, как чувствуем. Иногда не понимаем друг друга. Или делаем друг другу больно.

– Угу, – хмыкнул Фил, поворачиваясь ко мне. В зеленых глазах и кривой ухмылке скользило понимание. – Именно поэтому ты пряталась на Апхокетоле.

– Все было не совсем так, но в целом, ты прав, – я улыбнулась и потрепала его по голове. – Все дело в том, что я не знаю, что будет завтра, но и не попробовать тоже не могу. Это будет против моего сердца.

– Ты его любишь? – беззастенчиво спросил Фил.

Слова пронзили насквозь, как неожиданный разряд молнии, и на несколько мгновений ввели меня в ступор. Слишком прямой вопрос. Слишком обнажающий уставшие нервы, оголяющих их как старинные электрические провода. Опасно, опасно думать про это. Слишком много испытаний за последнее время. Я не готова была принять вызов и отвечать на него.

– Я знаю лишь то, что люблю одного мальчика, который умеет забавно хмурить брови, – заулыбалась я, гримасничая и передразнивая Фила.

– Перестань! – он тоже не удержался от улыбки. – Не хочу, чтобы ты страдала.

– Спасибо! – выдохнула я, обнимая мальчика. – Я очень нуждаюсь в этих словах.

– Но ты уедешь... – прошептал он мне в затылок.

Да. Да. Это была правда. В данный момент слишком горькая для нас с Филом.

Я лихорадочно соображала, как поступить. Несмотря на навыки самостоятельной жизни, Фил все еще оставался ребенком. Он не был взрослым ни в своих чувствах, ни в размышлениях. А еще он был прав, как сто ашеров, намекая на то, что нуждается в родительской опеке. Могла ли я дать ему это в текущий момент времени, когда мое собственное будущее оставалось под большим вопросом?.. Солидарны ли мысли Зэлдара с моими, или мое существование подле него снова превратится в череду испытаний и лишений? Я не знала...

Найдется ли место среди солдат и военных конфликтов ребенку, увлекающегося выращиванием растений? Будет ли эта среда благоприятна для него, не поставит ли под угрозу его здоровье и даже жизнь?.. С сожалением констатировала, что не могу дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Будущее все еще оставалось слишком туманным.

Но как мы сможем жить друг без друга, когда за несколько месяцев жизни между нами установилась тесная и нерушимая связь?

– Я уеду, Фил, ты прав, – сказала я через некоторое время. – Но я точно знаю, что тебе тоже пора в путь. Я сделаю все возможное, чтобы ты мог учиться и воплотить в жизнь все свои мечты.

– Правда?.. – подросток вытянулся по струнке.

– Конечно! – закивала я. – Но сейчас нам предстоит первое испытание. Оно очень серьезное и взрослое. Нам нужно пережить разлуку. И научиться справляться с трудностями, даже когда мы не рядом. Не пугайся, если тебя пригласят на обучение...

Надеюсь, уж в этой просьбе Зэлдар мне не откажет. По сравнению со всеми остальными моими просьбами это суший пустяк.

– Без тебя я никуда не поеду! – завопил Фил, снова отстраняясь. – Только с тобой!..

– Упрямый мальчишка! – рассердилась я.

– Я буду ждать тебя только здесь! Только, только здесь! – неустанно повторял он, повысив голос.

– Вернемся к этому разговору потом, – прервала я его крики, успокаиваясь. Слишком много событий и я легко выхожу из себя, а это крайне нежелательно в моем положении. – Фил, главное, знай. Я никогда не забуду про тебя. Пока я жива и в порядке я буду помнить о нашем разговоре. Где бы ты ни был – я приду за тобой. Приду, как только смогу. Обещаю...

Я еще раз потискала нахохлившегося как дикая птица подростка.

– Буду ждать тебя... – еще несколько раз повторил мальчик.

– Только дождись... – вторила ему я, глотая накатившие слезы и прижимая его голову к своему плечу. Я и сама не готова была с ним расстаться, но воцарившаяся, наконец, тишина подсказала, пора. Пора делать шаги на пути к тому, чтобы быть счастливой. Пора не бояться смотреть правде в глаза. Пора бороться за то, чтобы мой ребенок получил все необходимое, чтобы развиваться и не утратить веру в родителей, в человеческое. Пора, пора...

Я еще раз оглядела комнату, в которой нашла свое пристанище в столь сложный период моей жизни. Несмотря на все тяготы, я была счастлива здесь. Принесенный утром цветок лацерса угнездился среди других горшков с растениями, сиротливо тянувшими свои листья в попытках найти достаточный источник света.

– Я думаю, скоро твои зеленые друзья пригодятся! – таинственно подмигнула я мальчику и поцеловала его в висок. А затем быстро сгребла в дорожный мешок свои немногочисленные личные вещи, накопленные за это время, еще раз перешупала все кости Филу, тесно сжимая его, и смело пошла наверх. Пора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.